
Золотой убегает песок...
Ксения Шишина

Ксения Васильевна Шишина

Золотой убегает песок…

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70381942
SelfPub; 2024

Аннотация

Мирный городок, в котором никогда ничего не происходит. Почти все друг друга знают или знают через других людей. Безопасность, покой, стабильность. Такова твоя жизнь. И тебе это нравится. У тебя есть определённые устремления и цели. Есть жених и будущее, в котором, казалось бы, всё предрешено. Но иногда мы только думаем, что знаем тех, с кем живём под одной крышей и строим планы. Что-то происходит, и в одночасье всё меняется безвозвратно. Ты сбегаешь, поглощаемая чувством вины, и никого нет рядом. Есть только она да пустота. Пока не появляется он. Тот, кого ожидаешь меньше всего. Он будет рядом. Если только позволить. Ты позволишь?

Содержание

Глава 1. Перезагрузка 4
Глава 2. Румба 21
Глава 3. Апероль 29
Глава 4. Трясина 41
Глава 5. Безыдейность 49
Глава 6. Беглец 62
Глава 7. Развод 74
Глава 8. Барашек 89
Глава 9. Выстрел 105
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Ксения Шишина
Золотой убегает песок…

Глава 1. Перезагрузка

Я полюбила этот уютный, живописный городок много лет тому назад. Ещё тогда, когда, учась в последнем классе школы, впервые посетила его современный горнолыжный курорт вместе со своими родителями. Впоследствии это чувство лишь усилилось, возросло буквально в геометрической прогрессии, едва я вернулась сюда уже в качестве полицейского, последовав по стопам своего отца. Я заступила на службу, чтобы обеспечивать безопасность и покой жителей стилизованных деревянных домиков, расположившихся в долине с очень крутыми и почти вертикальными стенами склонов. Теллурайд хранит историю золотоискателей девятнадцатого века. Сохранившиеся до наших дней здания, старинные пекарни и бары в стиле вестерн превосходно сочетаются с фешенебельными отелями, элитными ресторанами, бутиками, спа и одной из лучших горнолыжных баз страны, расположенной на высоте тысячи метров в окружении самых красивых пейзажей, что я видела. Именно всё это и дарит городку его неповторимую уникальность. Его окружают поросшие лесами горы и отвесные скалы, холмы испещрены следами

старых шахт, а самый большой плюс этого места заключается в том, что здесь солнечно триста дней в году. Но это не мешает снегу достигать в высоту восьми метров и более. Сюда едут за новыми впечатлениями, массой эмоций и воспоминаниями, чтобы пронести их через всю жизнь. При населении в две с половиной тысячи человек, когда все друг друга фактически знают, а у людей нет ярко выраженной привычки непременно запирать свои двери, можно легко предположить, что полицейским здесь особо нечего делать. Вообще-то это действительно так. Это тихое и уединённое место, где в течение круглого года доступна лишь одна дорога. В некотором роде оно изолировано от цивилизации, но, невзирая на это, является культурным центром для проведения множества фестивалей. Наибольшую трудность мне и моим коллегам всегда доставляли звонки, связанные с медведями, частенько появляющимися на улице, но никак не с представителями рода человеческого. Ну, по крайней мере, так было до того, как… Чуть ли не обязанная быть чёрствой и циничной, я, оказывается, даже не могу сформулировать это без боли. Но, даже если бы и могла, мне не даёт закончить стук по двери кабинки туалета.

– Занято.

– Ты уже там целую вечность, Кинг.

Я узнаю этот голос, бывший всегда снисходительным и чаще всего раздражённым моим присутствием, но сейчас звучащий как-то странно, будто бы взволнованно. Должна при-

знать, в эту самую минуту в нём есть что-то успокаивающее, пока это непонятно откуда взявшееся ощущение не затмевает мысль, что это, чёрт побери, женский туалет. Может быть, в последнее время я и не похожа сама на себя, но точно не до такой степени, чтобы перепутать символы на двух соседних дверях и совершить ошибку в состоянии прострации. И вот так для Олдриджа опять нет никаких границ, что в работе, что в вещах, лишь относительно связанных с ней, что просто по жизни и в отношении к людям. Осознание этого пропитывает меня яростью, и когда я резко отпираю дверь и тяну её на себя, то со стороны наверняка произвожу впечатление человека, которому давно пора лечиться.

– Вы не имеете права здесь находиться, сэр. Мужской туалет чуть дальше по коридору.

Я инстинктивно опускаю голову вниз, проходя мимо по направлению к раковинам. Всё, что мне видно на протяжении пары шагов, это лишь плитка, натёртые до блеска чёрные лакированные ботинки и немного длины брюк, сидящих так, словно их сшили специально для этих ног, хотя у них и вряд ли есть соответствующая финансовая возможность. Нас обоих содержат налогоплательщики. Если у меня нет денег на посещение ателье и пошив одежды на заказ, то логично предположить, что и Олдридж не может себе этого позволить. Впрочем, вся моя логика давно обесценилась, я разочаровалась в ней, а его я и вовсе едва знаю. И уж точно это не распространяется на то, какой он вне службы. Возможно,

у него богатые родители, или кто-то оставил ему огромное наследство, так что при желании он сможет позволить себе вести праздную жизнь на каком-нибудь острове близ океана, но всё это неважно. Я просто ненавижу свою размазавшуюся тушь и ненавижу то, что это может кто-то увидеть. Что её потеки непременно заметит Олдридж.

– Ты больше не должна так ко мне обращаться. Я уже давно не твой начальник.

Я стираю чёрные следы под нижними ресницами и ничего на это не отвечаю, чувствуя облегчение, когда основная дверь открывается и впускает сюда совершенно незнакомую женщину. Хоть мы с ней и видим друг друга впервые в жизни, это отличная возможность схватить свои вещи и улизнуть, но Олдридж оборачивается в сторону выхода и почти кричит.

– Разве вы не видите, что здесь идёт уборка?

Он намекает на табличку с надписью о мокрых полах, которую наверняка сам же сюда и притащил. Прежде, чем я успеваю вмешаться и что-то сделать или сказать, женщина уже вылетает обратно в коридор, испуганная либо его тоном, либо выражением его лица, либо и тем, и тем одновременно. Боже, и когда я только стала такой мнительной и долго думающей размазнёй? Тем временем Олдридж поворачивается ко мне. Уже приведя себя в относительный порядок по части внешнего вида, я, конечно же, обнаруживаю, что он всё такой же. Всё такой же подавляющий и кажущийся из-

вечно злым, каким и был в нашу последнюю встречу полгода назад. А ещё он оказался правым от начала и до конца. Я служила этому городу верой и правдой целых шесть лет, знала всех его людей чуть ли не лично или, по крайней мере, была знакома с каждым без исключения жителем посредством другого человека. А этот мужчина явился словно из ниоткуда, занял место, которое я уже считала заслуженно своим, забрал моё повышение, а в дальнейшем не проходило ни дня, чтобы он не считал меня сентиментальной дурой и не вёл себя соответствующе этому. Его слова поставлены словно на повтор в моей голове, а Олдридж со своей стороны даже никогда не утруждал себя мыслью о том, что, быть может, мне просто трудно… Трудно банально думать о том, что кто-то, кого я знаю по имени или хотя бы видела хоть раз в лицо, совершил нечто ужасное в городке, где все друг у друга на виду, и никто не мог представить себе такого даже в самом кошмарном сне. Речь шла о человеческих жизнях и судьбах, а этому мужчине было будто бы всё равно. За всё время нашего расследования он ни разу не выказал понимания и не проявил сочувствия. Ни к кому вокруг. Ни к тем, с кем нам приходилось контактировать и говорить, ни ко мне, как к своему коллеге с почти равными полномочиями и аналогичной властью. *Взгляните на всё происходящее со стороны. Не можете отключить чувства и ощущение причастности и быть объективной, вам здесь не место. Любой способен на убийство при определённых обстоятель-*

ствах. Кто думает иначе, тот просто идиот. Виновный не сможет вести себя, как обычно. Ищите странности и следуйте инстинктам, не эмоциям. Рано или поздно он совершит ошибку и выдаст себя.

Все эти фразы, сказанное в разное время то тут, то там, буквально выводили меня из себя, несмотря на всё понимание, что мы просто должны сделать свою работу, чтобы люди и главным образом родители, уставшие ждать момента, когда смогут проститься со своей дочерью, узнали правду. Всякий раз я неизменно чувствовала себя задетой, раненой и оскорблённой. Будто я первый день на службе, а у него двадцать лет опыта и огромной послужной список. Если бы… Всего-то два года разницы в возрасте. И, тем не менее, именно он не соединил концы с концами, но всё равно оказался тем, кто формально раскрыл дело. Произвёл арест. Сопроводил преступника в комнату для допросов. Оформил протокол задержания. Пока я сидела в другом подобном помещении и тупо смотрела в одну точку перед собой, пытаясь понять, чего не вижу, что упускаю и где допускаю пробелы. Кроме того, я думала о завтрашнем осмотре у гинеколога, молясь, чтобы сделанный положительный тест оказался ошибкой, показавшей неверный результат. И даже не представляла, что уже совсем скоро это станет наименьшей из моих проблем. Потому что проглядела всё в первую очередь я. Я, а не Олдридж или кто-либо ещё из команды, кто мог бы увидеть всю картину целиком. Тем не менее, я больше

не могу его видеть. Для в целом проницательного человека, подмечавшего тогда самую глубинную суть многих вещей, он глуп, если не понял этого на основании десятков пропущенных мною звонков. Ну, по крайней мере, я не предстала перед ним с животом, который уже норовит залезть на нос. Это было бы совсем унизительно. К счастью, беременность не подтвердилась.

– Зря вы так. Мне в любом случае пора.

– Мелани.

Вдруг оказавшись слишком близко так, что я даже этого не заметила, Олдридж без спроса заполняет собой всё моё личное пространство, словно у него есть на это какое-то особенное право, и спрашивать нет нужды. Его аромат почти душит меня, перекрывает мне кислород, но скорее в хорошем смысле, чем в плохом. Единственное, на что я способна, это думать о том, что он никогда не называл меня по имени. Ни разу до этого момента. Всегда была лишь фамилия. *Кинг, мы должны проверить камеры наблюдения, все, что есть в этом крошечном городишке, чтобы отследить маршрут передвижения жертвы в последние дни. То, что её звали Ава, не ускорит процесс поиска убийцы, так что нет нужды каждый раз напоминать мне это имя, Кинг. В этот раз ты поговоришь с её отцом, Кинг, пока я со своими методами допрашиваю мать, учитывая, что с тобой она лишь плакала, и да, не стоит призывать меня воспринимать это как-то иначе. Всё-таки это комната для до-*

просов, а не для разговоров. Ничего не изменилось даже тогда, когда он пришёл за мной, одним лишь своим появлением прервал все мои размышления об осложнениях личного характера и сказал, что всё кончено. *Мы нашли его, Кинг. Хотя он не совершил ошибку. А просто пришёл сам.* Я чувствовала отрешённость, свою, его, нашу общую, не знаю, может, ему и было плевать, просто он умело это скрыл, но во мне точно не существовало никакого ощущения ликования и грядущего торжества справедливости. Так и не справившаяся с тем, чтобы дистанцироваться от всего эмоционально, в тот момент я впервые пожалела о том, что моё сердце оказалось не способно остаться в стороне. А сразу после меня подчинила себе вина. Она всё ещё держит меня и вряд ли когда-либо отпустит. И говорить здесь больше не о чем.

– Я хотела бы уйти, сэр.

– Сколько раз я ещё должен буду это повторить? Не надо меня так называть. Ты прошла через такое, – я не через что не прошла… Я всё ещё прохожу… И не вижу конца даже близко. – Если ты хочешь поговорить, то я…

– Только не надо начинать эту чушь. Предлагать меня выслушать, твердить, что всё наладится, забудется и пройдёт, и рассуждать о том, чего всё равно никогда не будет. Особенно учитывая, что вы сами не верите во все эти глупости. Сколько мы слов сказали друг другу вне работы? Где-то около нуля?

Я не понимаю, что ему нужно от меня. Зачем он ждал

снаружи, а потом вошёл внутрь? Все наверняка разошлись сразу же после окончания судебного заседания, безразличные ко мне и вмиг переменившиеся. Даже те, с кем я дружила или просто была вхожа в их дом. В моей голове ничего из его действий и решений не имеет смысла. Я просто хочу, чтобы Олдридж дал мне пройти. Выйти на улицу, сесть в машину и уехать в ещё более тихий по сравнению с Теллурайдом городок, где я теперь числюсь в составе дорожных патрулей. Конечно, это однообразная и рутинная работа. Не нужно писать диссертации, чтобы останавливать людей, превышающих скорость или нарушающих правила дорожного движения какими-либо иными способами. Но зато она носит предсказуемый характер, и там меня никто не знает. Не знает, что я сделала или чего не сделала, и всё такое прочее. А даже если что-то мельком и слышали, то ещё ни разу ни один человек не посмотрел на меня так, чтобы мне захотелось тут же сбежать.

– Не около нуля. Гораздо больше. И ты это знаешь.

– Неважно. Я всё равно не планировала задерживаться здесь надолго.

Я просто хотела посетить суд, услышать, не откажется ли вдруг тот человек от своего признания вины, что мгновенно всё только усложнило бы и затянуло, узнать вердикт, увидеться в последний раз. Разобраться, смогу ли я позволить себе вернуться хоть когда-нибудь. Не сегодня и не завтра, а просто однажды. Но нет, всё это нереально. Этот город…

Он никогда не примет меня вновь. Всюду будут осуждение, ненависть и ощущение преследования. Никто не обратится ко мне, чего бы это ни касалось. Даже в том случае, если увидит медведя близ своего дома или где-то на улице, а я буду единственной, кто продолжает работу в полицейском участке. Они всегда будут думать, что я знала. И так день за днём. Год за годом. Время ничего не изменит. Моя прежняя жизнь однозначно закончена. Хотя вообще-то это произошло уже шесть месяцев тому назад. Просто я думала, что, может быть, у меня получится. Но я не такая. А Олдридж да. Он как стал детективом, так и продолжает им оставаться. А меня взяли и выкинули. Будто я была чёртовой соучастницей. Ненавижу это. Ненавижу их всех. И его в том числе. Меня покрыли позором и грязью общественного мнения, а он даже не испачкался. Начальники вечно выходят сухими и чистенькими из всех передряг. Мне следовало бы это знать.

– Ты не… вернёшься?

После странной паузы он смотрит на меня с чем-то столь же непонятным во взгляде серо-зелёных глаз. Если бы я не видела его эмоциональную чёрствость каждый день на протяжении множества недель с утра до поздней ночи, а иногда и среди глубокой темноты, когда мы находили какие-то ниточки, то даже решила бы, что он реально переживает и небезразличен. Но я не куплюсь на это. С какой стати ему печься о бывшей подчинённой, которая была слепа и не замечала того, что не должна была упустить ни как коп, ни

как обычная женщина, раз уж это творилось почти перед самым её носом? А может, в действительности мы всегда знаем, просто предпочитаем не замечать? Может, и я знала?

– Нет.

– Но почему?

– Да потому, что я чувствую вину. Я засыпаю с ней и просыпаюсь, – хотя это вряд ли близко к реальности. Я вообще почти не сплю. Без снотворных не выходит. А я боюсь на них подсесть, поэтому стараюсь не принимать их слишком часто. Это просто безнадёжность. Вся моя жизнь. – Я не смогу быть среди всех этих людей. Она внутри меня. Постоянно и ежечасно. Циркулирует по венам, словно яд…

Я умолкаю на полуслове, потому что это Олдридж. Потому что мы никогда не говорили по душам, и это вряд ли именно то, чего он хочет и ради чего затеял этот в некотором роде допрос. Он всегда такой безупречный, внутри и снаружи, что выражается в постоянно чистой и ухоженной одежде и умении излагать свои мысли ровно и без промедления, неоднократно проявляемом им во время пресс-конференций. Если я начну заикаться, задыхаться и сомневаться в том, чтобы что-то сказать, его терпения не хватит надолго. Ну и ладно. Я всё равно не собираюсь откровенничать. Пусть тогда он позволил мне войти в допросную, пусть, вероятно, знал, что я не смогу сдержаться, но всё равно не возразил ни слова, пусть не сразу оттащил меня прочь и позволил нанести удар арестованному между ног, а потом и по рёбрам,

как только Гленн рухнул на пол, это не сделало нас близкими друзьями. Меня просто пожалели. Я всё ещё обескуражена этим. Всякий раз, когда позволяю себе задуматься об этом. Что почему-то бывает всё чаще и чаще. Зачастую мне просто нечего делать, кроме как размышлять и размышлять, и так снова и снова по кругу.

– Какого хрена ты её чувствуешь?

Он явно почти злится, но наконец отступает на несколько шагов, и ко мне возвращается способность дышать. Хотя я уже и не помню, когда в последний раз делала вдох полной грудью. Понятно, что определённо до всего этого, но вот в какой именно день и час? Ничего не помню. Так же, как и не понимаю, с чего вдруг вся эта свирепость. Хотя я никогда не понимала. Это осталось прежним.

– Просто чувствую, и всё.

– Ты не совершила ничего дурного. Это всё он, не ты. Так какого хрена тебя волнует, что они подумают? Здесь твой дом. Ты имеешь право тут находиться.

– Вы не поймёте. Вы не понимали этого тогда, не поймёте и сейчас.

– Я нарушил правила, позволил тебе войти к нему, даже будучи уверенным, что это плохая идея, вероятно, худшая на свете, и ты говоришь мне, что я не понимаю?

– Вам доводилось делить кров и постель с женщиной, которой вы сделали предложение, чтобы спустя время узнать, что мёртвый мужчина, чьё убийство вы расследуете, до са-

мого своего конца был её любовником, а она именно тот человек, который виноват в его смерти?

– Нет.

Ну конечно, нет. Он ведь разборчив, больше, чем я когда-либо буду, и с ним никогда бы такое не случилось. Никогда. Олдридж считывает человека, видит его нутро так, словно его глаза – это аппарат для рентгена. Из-за него я не только разбита и не знаю, как жить, где и зачем, но и разочарована в себе до глубин души. Не думаю, что смогу однажды всё-таки стать детективом. Расследовать что-либо уголовное вновь… Он отнял это у меня. А я так этого хотела. Новый статус и перспективу однажды перевестись куда-нибудь ещё выше. Теперь же всё ушло.

– Вам приходилось узнавать об этом неожиданно и внезапно?

– Нет.

– Тогда об этом не может быть и речи. Вы никогда не сможете понять. Я спала с ним, готовила ему еду, убирала за ним и наводила порядок в нашем общем доме. Я собиралась за него замуж и даже думала, что беременна от него, пусть это и было скорее удобством, чем любовью. А теперь он в тюрьме, в то время как я тоже чувствую себя жертвой. И что моя жизнь также разрушена, – это дело сломало меня и привычный ход вещей. Гленн сделал это со мной. Первый мужчина в моей жизни. Первый человек, с которым я здесь познакомилась. Пять лет отношений… Пять. Узаконить всё это

казалось логичным шагом. В этом не было ни романтики, ни моего энтузиазма. Только комфорт и приятное ощущение того, что ты не один, даже когда вроде бы один. Он уважал мои границы и предоставлял мне пространство, когда я в нём нуждалась. Я и не хотела большего. Мы были скорее друзьями… друзьями с привилегиями, которым было легко друг с другом. Секс, общение, совместный быт, распределение домашних обязанностей, и всё тому подобное. Теперь я понимаю, что это вряд ли правильная основа для счастливого и долговечного брака. Нам становилось скучно и предсказуемо. Неудивительно, что он нашёл себе другую. Немыслимо лишь то, как всё закончилось. Олдридж попал в яблочко. *Любой способен на убийство при определённых обстоятельствах.* Напряжение, ссора, состояние аффекта, и вот твои руки уже оказываются на шее жертвы. Ты её душишь и душишь, пока не опускаешь безвольное тело и вдруг не понимаешь, что она, упавшая на пол, уже не дышит. Что жизнь покинула её глаза. Что уже слишком поздно, чтобы помочь. Аву нашёл отец. Теперь её пожилые родители могут рассчитывать лишь на своего сына, но он ещё учится в университете, который ему, возможно, придётся бросить, если это уже не произошло. От боли за них и за неё внутри всё рвётся. Это превыше всего, что терзает лично меня саму и не даёт спать по ночам. Это недостойно даже краткого упоминания. Я вообще не знаю, какого чёрта говорю всё. Я никому не рассказывала. Просто похоронила в себе. Почему именно сейчас?

И почему именно ему? – Но я не имею на это ни малейшего права. Ведь Ава в гробу, и, если чьи-то жизни здесь и растоптаны, так это только её родителей. И всё потому, что я была не с тем человеком. Так что испытывать вину это всё, чего я заслуживаю.

– Ни хрена подобного. Тебе просто нужна перезагрузка, Кинг. Через год ты и не вспомнишь про этот ад. Хочешь, я…

– Я хочу домой.

Он ни черта не знает, чтобы решать за меня. Делать выводы, что мне нужно, а что нет, и о чём я вспомню или не вспомню спустя двенадцать месяцев. Ублюдок. Самодовольный и уверенный, что способен разобраться в каждом, только едва бросив на него свой надменный и бесстрастный взгляд.

– Ты уже дома.

– Больше нет.

– Тогда испытывай на здоровье свою нелепую вину и дальше, Кинг, – не знаю, что с ним такое, отчего он орёт на меня с мрачнеющими глазами, когда мне только-только начало казаться, что, может быть, он бы мог перемениться хотя бы на время, до тех пор, пока я не закончу и не скажу всё, что хотелось. Но в любом случае всё желание, возможно, выговориться, отпустить себя… Оно пропадает за одно мгновение. Я думала верно. У его терпения недостаточный запас прочности. Как же глупо… глупо… глупо. – Только не удивляйся, что тебя как начали иметь, так и продолжают.

Когда есть большая разница между тем, чтобы чувствовать себя виноватой и действительно быть таковой. Вот почему с тобой это происходит. Потому что ты говоришь, что только ощущаешь это, но на самом деле это всё не внутри тебя, не там, где никто не способен это увидеть. Ты словно оделась в вину и выглядишь соответственно. Ходишь тут везде с опущенной головой, как пристыженная и взявшая на себя всю ответственность. Внутри можешь чувствовать всё, что душе угодно, но знаешь, сильные люди не показывают этого. А ты позволяешь контролировать себя и свою жизнь. Надо уметь давать отпор, женщина. А не банально мямлить на каждом шагу, что ты не знала, только так и отвечая на их взгляды. Иногда стоит быть грубой и жёсткой. Порой это единственный способ постоять за себя.

Он возвращается обратно, в чём-то уже смягчившийся и другой, не такой, каким он был всего пару секунд назад. И, вот же ужас, его правая рука приподнимается, будто намереваясь коснуться моего лица, заставить меня посмотреть на него, когда всё, что я вижу, это лишь снова пол и наши ноги. Но я уже достаточно всего услышала. И про себя, словно напрашивающуюся на отрицательные эмоции в силу своей врождённой открытости. И про свои чувства, делающие мне лишь плохо, будто я могу взять их и отключить, как только пожелаю. И про свой внешний облик, который содержит в себе всё, что, по его мнению, я должна носить исключительно глубоко в себе. Пусть засунет свою точку зрения куда по-

дальше. Я вообще не его мыслей хотела. И не советов. И не рекомендаций, способных превратить меня в его подобие, в чёрствого и безразличного человека. Я хотела… поддержки. От того, кому не нужно рассказывать всё. Кто и так всё знает, потому что был непосредственным свидетелем каждого момента от обнаружения преступления и до нынешней развязки. Я подумала, что это что-то значило. Так чувствовала душа. Но мне снова прочитали мораль, и не более того.

– Да пошли вы к чёрту, сэр.

И так, схватив свои вещи, я вылетаю за дверь.

Глава 2. Румба

Румба – вертикальное выражение горизонтального желания. Нужно держать её, будто её талия – это главное для вас. Толкайте, будто сердце вырывают из груди. Прижимайте, словно хотите овладеть ею прямо здесь, на танцполе. И бросайте, словно она сломала вашу жизнь.

Свернувшись калачиком на краю дивана и прижавшись спиной к подушкам у его спинки, я смотрю, как героиня Дженнифер Лопес пытается втолковать персонажу Ричарда Гира, казалось бы, прописные истины о том, что такое румба, и какие вещи нужно вложить в исполнение этого танца. Но думаю я лишь про то, что мы, люди, не всегда действительно понимающие и быстро что-либо соображающие, чуткие, внимательные и осторожные в своих высказываниях и заявлениях. Порой мы не допускаем и мысли, что некоторые наши слова, мысли и фразы могут оскорбить, унизить или обидеть другого человека. Я и сама не святая, но, по крайней мере, не лишена осознания. Чувствуя, что перешла невидимую границу, я вполне могу тут же попросить прощения и извиниться перед тем, кому причинила боль или просто доставила несколько неприятных минут.

У меня не было настроения говорить с родителями ни позавчера, ни днём позже, но сегодня они позвонили снова. Невзирая на отсутствие внутренних сил, которые уже давно

оставили меня, мне пришлось ответить. Потому что я добрая и любящая дочь, знающая всё об их волнении и переживаниях. Потому что моя драма не только моя. Она ещё и их. Это та же причина, что вызвала немедленные слова искреннего раскаяния, когда, дважды вынужденная ответить отрицательно на вопрос о скором приезде, я не сдержалась и почти вышла из себя. Если они такие встревоженные и опекающие по телефону, мне совсем не хочется думать, что в таком случае будет дома. Но это не отменяет того, что моя реакция была неправильной, отвратительной и незаслуженно грубой. Сожаление охватило меня в тот же миг, как и идущие изнутри слова. Пусть некоторая напряжённость так никуда и не исчезла, осталась в завершающей части разговора, но я, по крайней мере, не Олдридж. И я не стану им. Не стану, как он, никогда. Я другая. И всё им сказанное ничего во мне не изменит.

Устав смотреть изображение и слышать звук, но всё равно не понимать ничего из того, что происходит, я выключаю телевизор и в бессильном отчаянии прислоняю пульт к своей груди, ощущая ненависть к собственным выходным. Тут же во внутренний мрак этого утра, ставший для меня обычным явлением, вмешивается настойчивый стук в дверь. Но это скорее ошибка, чем нечто иное. Я ни с кем здесь не общаюсь. Не поддерживаю отношения вне работы. Не провожу время ни с чьими-либо семьями, ни с конкретными людьми. Я больше не привязываюсь и никого не впускаю. Так что про-

должаю лежать, не двигаясь с места, в ожидании того момента, когда кто-то, кто находится снаружи, кем бы он ни был, осознает свой промах и оставит меня в покое. Но ничто не прекращается. Мне приходится встать, направляясь к двери небольшого съёмного домика с двумя комнатами, второй из которой я всё равно не пользуюсь. Я пыталась спать там, но слишком широкая кровать, рассчитанная однозначно на двоих, лишь усиливает одиночество и пустоту в груди.

– Послушайте, мне ничего не… – я автоматически осекаюсь на полуслове, когда, отперев все замки и впустив дневной свет в прихожую, различаю, кто передо мной. – Мистер Олдридж?

Вслед за этим моя рука начинает действовать однозначно быстрее головы и толкает дверь обратно, чтобы её закрыть. Но левая нога мужчины оказывается ещё более стремительной и становится препятствием, которое невозможно преодолеть.

– Я словно перенёсся в конец девятнадцатого века. В какой-нибудь мёртвый город-призрак.

– Виктор не живёт полноценной жизнью, но он не призрак.

– И сколько же людей тут проживает? Вместе с тобой девяносто девять?

– Вообще-то в четыре раза больше.

Я не знаю, зачем взялась ему отвечать. Просто он разговаривает со мной так, будто пару дней тому назад и не подра-

зумевал, что я слабая и глупая дура, которая сама виновата во всех своих бедах, потому что воспитана быть отзывчивой и неравнодушной к чужим проблемам и несчастьям. Так что хоть какое-то подобие общения это, возможно, единственный способ уменьшить количество тщательно сдерживаемого гнева внутри меня. Потому что я не собираюсь делать этот свой день хуже, чем он уже есть. И я не расплачусь здесь и сейчас, даже если мне очень хочется.

– Ты позволишь мне наконец войти?

– Нет. Я хочу, чтобы вы ушли.

Я вижу его автомобиль на подъездной дорожке. Новый серебристый вольво выделяется не только на фоне моего старого ржавого пикапа, но и всеобщего запустения в целом, что лишь подчёркивает контраст между нашими жизнями. Всё это мне совсем не нужно. Чтобы кто-то вдруг увидел столь дорогущий и блестящий даже в пасмурную погоду транспорт и, не дай Бог, сделал с ним нечто ужасное. Здесь живут всего лишь около четырёхсот человек. Все, кто мог, уже давно побросали свои дома и уехали отсюда прочь, а всем оставшимся тут крохам людей просто некуда и незачем податься. Они, конечно, очень дружелюбны и полны искренности и внимания к приезжающим, особенно в связи с тем, что здесь много грунтовых дорог, разбитых техникой, по которым захочет ездить далеко не каждый предполагаемый турист, но мало ли что. Если с его машиной что-то случится, я никогда не выплачу этот чёртов ущерб. И нет, ме-

ня не волнует, что расстояние между Теллурайдом и моим нынешним местом жительства даже Олдриджу с её техническими характеристиками не преодолеть за какой-то там час. Всем потребуется гораздо больше времени, чем шестьдесят минут. И на цель, которую он себе придумал и вообразил, мне также плевать. Не знай я, что он коп, и как ему наверняка легко было меня найти, учитывая, что я и не скрываюсь, я бы чувствовала лишь безразличие и к тому, откуда он здесь взялся.

– Мэл.

– Оставьте меня в покое. Какого хрена вам так трудно понять, что я хочу быть одна?

Внезапно сдавшись, я ухожу на кухню, лишь бы не дать ему увидеть всё-таки просочившуюся в мои глаза влажность. Мне нет ни малейшего дела до оставшейся открытой двери, когда Олдриджу уже ничто не помешает войти внутрь и чувствовать себя так, словно он тут хозяин. Я одета в достаточно тёплые легинсы и длинный нежно-розовый свитер, а мои ступни надёжно согревают носки. Однако из-за этого нежеланного вторжения мне становится почти зябко и холодно. Дрожь сотрясает моё исхудавшее и эмоционально высосанное тело. Оно опустошено и испугано. И не знает, зачем вообще просыпается по утрам. Иногда я жалею, что не оказалась беременной. Так у меня, по крайней мере, кто-то бы был. Многие люди придумывают для своих детей разные легенды об их отцах, и ничего. Я бы тоже сказала что угодно.

– По дороге сюда я наткнулся на булочную и купил сэндвичи и домашнее печенье. Подумал, что вдруг ты голодная и вообще редко ешь.

– Я и сама могла бы туда сходить. Не стоило проделывать весь этот чёртов путь. У вас что, своих дел нет?

– В Теллурайде сейчас спокойно. Вряд ли я буду там ещё долго нужен. Постоянный детектив в таких небольших городах – это напрасная трата денег налогоплательщиков. С мелочёвкой справится и любой местный сержант. Например, ты. Зачем тебе здесь оставаться?

– А зачем здесь вы, мистер Олдридж?

Я поворачиваюсь к нему спустя всё это время и вижу распахнутое тёплое пальто чёрного цвета с костюмом под ним, как будто он на работе и хочет выглядеть профессионально, и опять-таки знакомые ботинки. Он поднимает на меня свои глаза, стоя в некотором отдалении около обеденного стола, на котором я замечаю бумажный бежевый пакет с эмблемой единственной в городе пекарни.

– Я не умею извиняться. Но ты, вероятно, обиделась, поэтому я…

– Я не маленькая девочка, которую дёрнули за косу, и та тут же побежала жаловаться маме, – перебиваю его я, потому что всё это просто нелепо и наивно. Мой жених не был мне верен и убил женщину, о существовании которой непосредственно в наших с ним жизнях я и не подозревала, и никакие обидные нравоучения этого не затмят. Как бы неприятно и

скверно мне от них не было. Услышать их это не самое большое несчастье в моей тридцатилетней жизни. – Я переживу. Не стоило из-за такой ерунды отправляться в многочасовую поездку через половину штата. И мне не нужна ваша должность. Спасибо, конечно, но я больше не хочу её. Ни её, ни что-то подобное вообще. Я всё сказала ещё в тот день.

– Мне уйти?

– Да.

– Ладно.

Вопреки этому Олдридж подходит ближе к моим носкам, хотя на нём ведь уличная обувь, чего я будто бы и не замечаю, и прикасается ко мне. К кончикам волос и моему левому плечу. Это слишком для меня, слишком непрофессионально, в то время как всё и всегда было иначе. Я словно застываю и не могу сдвинуться с места, не могу даже просто пошевелиться и нахожусь не в состоянии что-либо сказать. Просто, склонив голову, смотрю за его рукой на моём теле, пока она не приподнимает моё лицо, чтобы я видела движение, момент, идеально гладкий подбородок, переход цвета в глазах и губы прежде, чем они прикасаются к моей щеке. Я не успеваю ничего прочувствовать, как всё уже заканчивается. Мужчина отступает от меня, оставляя мне лишь отголоски стихающего вдали урчания мотора на улице и смятение непосредственно внутри моего тела и сознания. Я провожу рукой по коже, ещё хранящей это короткое, но продолжающее длиться в моей голове прикосновение, и пыта-

юсь понять, что только что здесь произошло. Между нами. С ним. Со мной. Как я могла стоять, словно истукан или скульптура? Ничего не сказать? Не возмутиться неснятыми у входа ботинками? Позволить произойти этому… этому… поцелую? Меня никто и никогда не целовал не в губы. Не то чтобы я была с кем-то, кроме Гленна, но… Вряд ли с ним это было бы столь одновременно платонически и чувственно, с без слов высказанным обещанием… обещанием большего? Но мне нельзя. Невозможно. Я не могу. Не при данных обстоятельствах. Не тогда, когда Гленна только что… И к тому же это Олдридж. С его стороны это не может быть… Не является тем самым. Наверняка всё не так. Должно быть, всё совершенно иначе. Это просто часть извинения, которое он бессилен выразить словами. Скорее всего, он больше здесь не появится. Тем лучше для его безукоризненной машины, которой страшно касаться. И для меня, конечно, тоже.

Покидая кухню, чтобы запереть дверь, я не забываю прихватить с собой пакет, так и оставшийся стоять в центре деревянного стола и источающий приятные запахи свежей выпечки.

Глава 3. Апероль

Вечером следующего дня, выходя из публичной библиотеки с новыми книгами в руках, я решаю прогуляться до мэрии и обратно и возвращаюсь на центральную улицу городка. Около бара я перехожу на другую сторону дороги и уже почти миную здание отеля, носящего то же название, что и сам город, когда, открываясь, двери являют мне того, кто, как я думала, уже давно находится в Теллурайде. Это Дэвид Олдридж собственной персоной, который зачем-то остался здесь дольше, чем на сутки. Первый мой порыв это развернуться, пока, занятый поднятием воротника пальто, он ещё не успел увидеть меня. Но его голова поворачивается налево быстрее, чем я могла предположить. Словно в нём есть что-то такое, что распознаёт моё присутствие в непосредственной близости в мгновение ока. Он кивает мне, но сразу после отводит взгляд и подходит к своей машине, припаркованной чуть дальше около обочины. Он собирается в путь?

– Вы не говорили, что останетесь тут на ночь.

Нас разделяет его автомобиль, когда ноги сами приводят меня к нему. Переместив все книги в правую руку, перестав держать их около тела, я наблюдаю, как мой бывший начальник открывает дверцу водительского сидения.

– Я решил внезапно. Узнал, что у вас тут проводят экскурсии на карьер открытого типа по добыче золотой руды и

захотел посмотреть. Пришлось задержаться. Но не тревожься, я уже уезжаю.

– Но уже поздно. В смысле темно.

– Ничего. У автомобиля есть фары. Я не побеспокою тебя…

– Хотите выпить? – что-то во мне не позволяет ему договорить, закончить свою мысль и обрывает её на полуслове, на что Олдридж поднимает на меня свои глаза, и я вижу в них зарождающийся отказ. Отказ, который не хочу принимать. От одной мысли о нём почему-то мгновенно становится больно и жутко. – В отеле есть бар. Или мы можем пойти в ресторан. Тут недалеко.

Я почти жду, когда он всё-таки отклонит моё предложение и сядет в автомобиль со словами, что я не пью, ведь это то, что он точно знает обо мне. Но он захлопывает дверь и огибает его спереди. Протягивает руку и забирает мои книжки, будто говоря, что сегодня они мне уже не понадобятся. Я не знаю, что делаю. Но пытаюсь об этом не думать.

– Учти, у него горьковатый вкус, – передо мной стоит фужер с жидкостью оранжево-красного цвета. На мой взгляд, в ней плавает слишком большое количество льда, вряд ли необходимое в таком количестве. Сам ободок украшен долькой апельсина, и это то, что заказал нам обоим Олдридж, одновременно упомянув нотки трав, ароматических приправ и того самого фрукта, что делает картинку красивой. – Апероль ещё и является основой для коктейлей, так что можем

заказать, например, спритц. Даже если здесь не знают, как его делать, я просто скажу, что необходимо смешать. Белое вино, минеральную воду и опять же апероль со льдом.

– Это всё равно всё аперитив. Но я не голодна.

Я не думала, что будет что-то сложное. Предполагала, что мы ограничимся пивом. Его я, по крайней мере, пробовала. И с отцом, и с Гленном. Мне незачем то, что предшествует принятию пищи, пусть прямо здесь можно заказать и её. Я поела прежде, чем отправиться в библиотеку. Если только Олдридж не хочет, чтобы я… Если только он уже не думает или даже знает, что именно мне бы действительно хотелось ощутить. Или же он просто считает меня излишне напряжённой внутри, с чем сможет справиться только что-то крепкое. Но неужели я, и правда, такая? Такая… отчаявшаяся, хоть и не осознающая ничего лично? Настолько, что это так же очевидно, как чёрный текст книги, написанный на белом фоне? По крайней мере, для него? Но, даже если вдруг, я бы хотела остаться трезвой.

– Тогда я думаю, что ты не станешь возражать против того, чтобы я выпил ещё и твой.

Не дожидаясь моего ответа, каким бы он ни был, Олдридж опустошает мой фужер и с тихим стуком стекла о дерево возвращает его на барную стойку, смотря исключительно на свои руки. Его часы на правом запястье, не на левом, как это вроде бы принято и предписывается неизвестно кем придуманными правилами, выглядывают из-под рукава рубашки и

пальто, которое он не снял так же, как и я свой пуховик, и словно говорят мне, что время не вечно. На самом деле время не ограничено никакими границами. Оно существовало и отмеряло свой ход и до нас, и ничего не изменит и наша смерть. Оно как шло, так и будет продолжать идти, отсчитывая секунды, минуты и часы, складывая из них дни, недели и года. Но сейчас… Сейчас оно кажется мне чем-то, что скоро закончится, подобно песку, когда он заканчивает перетекать из одной половины песочных часов в другую.

– Вы уже вернули ключи от своего номера?

– Нет. Я хотел сначала прогреть машину. А в это время убедиться, что ничего там не забыл. А что?

– Вы… вы не могли бы провести ночь со мной?

Я произношу это тихо, возможно, даже едва слышно, так, что он ни черта и не понимает, и совершенно ни о чём не думаю. Моя голова опущена вниз, словно мне стыдно. Только эта мысль, первая за несколько мгновений, приходит ко мне, как я тут же понимаю, что она правдива. Даже если сейчас ему не смешно, это только от того, что Олдридж просто ещё не осознал всё до конца. Но я не собираюсь ждать, когда его аналитический ум разложит всё по полочкам. Это и так позор… Я сама себе противна. Раз готова лечь под первого попавшегося мужчину, будто это сделает что-то лучше, заставит меня забыть. Ладно, он, разумеется, совсем не такой, не тот, кого я вообще не знаю, но это неважно.

Я хватаю свою книжки со стойки в стремлении поскорее

убраться отсюда, хотя пешком это и будет потенциально проблематично. Но Олдридж, встав и выпрямившись в полный рост, хватает мой правый локоть, сжимая его одновременно и болезненно, и нежно, что ощущается мною даже через толстый рукав пуховика.

– Куда ты?

– Простите.

Я чувствую себя полной дурой, даже больше, чем несколько дней назад. Я не могла такое сказать… Олдридж наверняка не один. У него должен кто-то быть. Любимая женщина или просто женщина, с которой он удовлетворяет свои потребности.

– Да.

Он прижимает меня ближе к себе. Его голос оказывается прямо около моего уха, тёплый и посылающий непонятные мурашки по моей коже. Я становлюсь совершенно сбитой с толку. Не видя его лица, не зная, о чём он думает, и слыша лишь дыхание, которое почти отнимает моё. Что означает это слово? Да, я занят? Или да, ты глупая? Ощущения таковы, что все мои мысли как на ладони.

– Я не понимаю.

– Я сделаю это.

Единственное, что поясняет он. Кажется, в его голосе улыбка, но когда, освобождённая, я поворачиваюсь к Олдриджу лицом, то не вижу ничего. Ни одной эмоции, по которой можно было бы понять, что внутри его головы, или просто

посчитать, что теперь я обязана. Меня ничто не держит. Я вольна уйти. Но выхожу в лобби отеля первой и, подойдя к лифту, нажимаю на кнопку вызова. Он спускается со второго этажа в течение словно вечности, а на четвёртый в соответствии с тем, какая цифра загорелась на табло после того, как мужчина слева от меня прикоснулся к нему, и вовсе поднимается ещё дольше. Всё это вместе предоставляет мне возможность передумать. Но я не хочу. Я хочу почувствовать хоть что-то другое. Кроме боли, опустошённости, страдания и жалости к самой себе.

В свете двух прикроватных ламп я вижу закрытую дверь в ванную, мягкий малиновый ковёр, два больших окна, закруглённых в верхней части, шкаф, два мягких кресла с небольшим столиком между ними, и две стены полностью из кирпича. К одной из них и приставлена широкая кровать. Мою спину буквально прожигает пристальный взгляд. К нему присоединяются руки, бережные и внимательные. Опускаясь мне на плечи, они медленно стягивают пуховик с моего тела, словно боятся спугнуть, и я думаю, начинаю чувствовать, что такое вполне может произойти. Что мне, возможно, нужно совсем не это. Не нежность. Что угодно, но только не она.

– Хочешь, ничего не будет? Я остановлюсь, и мы просто поговорим. Или я могу отвезти тебя домой.

– Нет. Просто не надо поцелуев. И я сама лягу на кровать.

– Ладно, – он ничего не возражает, хотя, наверное, бы мог.

Настолько ответ звучит уж слишком нейтрально даже для него. Но, когда я выключаю один из торшеров, Олдридж становится вроде как подавленным и несчастным. – Ты хочешь в темноте?

– Да.

Кивнув, но без того, что я могла бы посчитать истинным согласием, и устроив нашу верхнюю одежду на вешалках в шкафу, мужчина подходит ко второй тумбочке. Неожиданно громкий для меня щелчок погружает всё во тьму. Кровать не скрипит, но матрац прогибается, едва сильное тело различимым даже во мраке силуэтом присоединяется ко мне, оказывается столь близко, что почти накрывает меня собой, когда я опускаюсь на подушки с кучей мыслей в голове. Наверное, мне следовало сказать что-то большее, чем просто запретить меня целовать. Обговорить всё. Как я хочу, а что совершенно неприемлемо. Узнать и то, что, может быть, недопустимо для него. Обозначить границы прежде, чем… А если ещё не поздно это сделать? Но я уже не смогу заикнуться об этом. Не сейчас.

– Мэл. Мы не обязаны…

Это ни в коей степени не звучит убедительно. Он тяжело дышит, будто мы уже что-то сделали. Да и я не наивная девчонка. Желание касается моего бедра. Желание, которое ни с чем не спутать.

– Просто разденьте меня.

– Как мне сделать всё лучше?

– Так… так, как вы начали.

Я бы сказала, что хочу грубо и жёстко, но не думаю, что доверяю ему. Вдруг он сделает больно? Обидит меня?

– Расслабься.

Он шепчет с тем, что звучит, как мольба, проникновенная и неистовая. Я слышу шумный вдох, то, как Олдридж утыкается лицом куда-то в мои волосы. Мне хочется… какой-то части меня хочется чувствовать злость, что он такой… не такой, что, наверное, не стал бы резким даже в случае моей просьбы, но с моим телом… В нём что-то меняется. С ним происходит то, что я не могу описать. А мы оба всё ещё в одежде. Я никогда не ощущала себя так с Гленном. Мне жарко, я уже словно в огне, хотя физически для этого нет ни единой причины. Дрожь, кажущаяся неестественной и неправильной, охватывает меня всю задолго до того, как, полностью обнажившись, мужчина возвращается ко мне. Он ничего не спрашивает, но, будто понимая или, по крайней мере, догадываясь, что я могу вынести, а к чему не готова, не прикасается больше необходимого ниже талии, в отсутствие свитера не дотрагивается до области моей груди вообще и не пытается пересечь невидимые границы, единственные из всех возможных, что заставили меня задуматься о них. Никаких поцелуев в губы. Я почти ненавижу себя или же только думаю так. Всё равно этой мысли достаточно, чтобы захотеть что-то сделать для Олдриджа в ответ. Но мне не удаётся. Он задаёт свой вопрос чуть раньше:

– Так нормально? Это ничего, если ты передумала. Ты можешь сказать.

Мы словно обычная пара, которая решила впервые заняться сексом друг с другом, или у которой вообще никогда и ничего не было прежде даже вне этих отношений. Он словно тот парень, заботливый, любящий и чуткий, что говорит своей девушке, что может подождать. Что всё поймёт и не бросит её из-за этого. И что им совершенно нет нужды торопиться. Но во мне она есть. Я чувствую, что и так слишком долго не жила.

– Нет. Всё нормально.

– У меня нет…

– Ничего. Я на таблетках.

– Так я могу?

– Да…

Только это короткое слово-разрешение срывается с моих губ, как Олдридж уже внутри меня. Едва-едва, но его напор, сила, с которой всё случилось, и одновременно ослепляющая нежность… Всё вместе это почти трудно выносить. Трудно выносить в хорошем смысле. Темнота недостаточно чёрная, чтобы я не видела его глаза. Либо же я просто к ней привыкла. Но так или иначе выражение внутри них больше не кажется мне нелюдимым и отстранённым, наполненным лишь негативом в мой адрес. Там есть что-то таинственное и неуверенное. Знаете, как мечта или желание, которое сбылось, но ты всё ещё сомневаешься, что заполучил эту радость

и счастье в свои руки. Я понимаю, что, наверное, хотела бы об этом узнать. Жаль, я не могу позволить себе такого позволить. Это просто одна ночь… Ночь, после которой он уедет. А я останусь. Но его стоны, то, как он двигается, всё больше теряя контроль, то, что его бронзово-коричневые волосы оказываются на ощупь влажными так же, как и кожа спины, когда, неспособная противостоять ощущению нужды во мне и дальше, я прикасаюсь сразу везде… Возможно, всё это проникнет в меня навсегда. В голову, воспоминания, душу и каждую клеточку тела. Оно словно отделяется от моего сознания, когда руки дотрагиваются сильнее, а ноги позволяют войти глубже. Переставая различать, где я, а где уже Олдридж, я произношу нечто необдуманное прежде, чем ещё могла попытаться это остановить.

– Скажите, что любите меня.

Он мгновенно замедляется, фактически перестаёт двигаться внутри меня. Я пытаюсь побудить его продолжить, сделать хоть-то, чтобы всё вернуть, но он кажется испуганным. За всё время нашего знакомства я никогда не видела его таким. Потому что он ни разу не выглядел так. Клянусь, ни единого раза. Это лучше всяких слов говорит мне, что я делаю что-то ужасное. Из-за всех этих эмоций или не только в связи с ними я толкаю человека переступать через себя, врать и поддерживать мой самообман. Необходимость забрать свои слова так очевидна, но я медлю и медлю. И медлю до тех пор, пока не становится слишком поздно их отменить.

– Я люблю тебя.

Олдридж отвечает так, что звучит это искренне и достоверно. Его взгляд такой пронзительный, такой твёрдый и непоколебимый, что он заставляет меня чувствовать себя единственной. Особенной. Той, кого этот мужчина, и правда, любит, а не просто поддерживает это притворство. Настолько он выглядит так, как в моём представлении должен… Хотя никто никому ничего не должен. Раньше я уже думала, что меня любят, и считала, что знаю, как это чувствуется и предоставляется со стороны, но всё было ошибкой и заблуждением. Теперь же я не различу любовь или что-то близкое к ней, отдалённо напоминающее её, даже если она окажется у меня перед самым носом.

Я ничего не говорю, и Олдридж тоже. Совершая прощальный толчок, он замирает в освобождении, но удерживает свой вес на руках. Даже эта дистанция, его некая изолированность лишь усиливает мою собственную реакцию, приумножает импульсы, проходящие от места слияния по всему телу, и заставляет меня хотеть… хотеть быть обнятой. Вместо этого мы физически перестаём быть одним целым, когда он выскальзывает из меня, и я знаю, это всё. Клянусь, что, моргая, чувствую блестящую влагу перед зрачками, пока жду, не уйдёт ли Олдридж в душ или просто покинет кровать. Так будет легче и проще для всех, но прежде всего для него. Он ведь такой… замечательный. Если у него кто-то был или даже есть, не в Теллурайде, ведь для него там однознач-

но нет никого подходящего, но в целом, где бы он там не жил до этого, то та женщина просто дура. Раз он сейчас не с ней. Почему-то я не допускаю и мысли о том, что это его вина.

Тем временем он всё никак не уходит. Лишь вздыхает и прижимается грудью к моей спине, подтягивая одеяло, чтобы укрыть нас. Я осознаю, что ищу его руку и вряд ли способна сделать что-то отталкивающее. Но, возможно, мне придётся.

Глава 4. Трясина

Я делаю неудачный шаг. Шаг, который не находит опору, в результате чего нога начинает стремительно проваливаться куда-то вниз. Её словно сжало дно болота и больше не желает меня отпускать, как и всё то, что я видела и чего даже не знала, пока в одночасье не стала изгоем. Трясина засасывает моё тело, и вокруг нет ничего, за что можно было бы зацепиться и постараться выплыть, вытащить себя на поверхность. Почти полностью я исчезаю под стоячей и вязкой грязью, сквозь толщу которой не проникает ни грамма света, когда откуда-то снаружи этой убивающей всё живое экосистемы доносится зовущий голос. Он обращается ко мне с беспокойством и светлым чувством. Открыв глаза, я уже больше не вижу ни мрака, ни погибели. Есть лишь залитая электричеством комната, жар мужского тела около меня и ладонь, с силой, но нежным сжатием обхватывающая моё обнажённое левое плечо. Я не знаю, чему не верю больше. Тому, что мне всё просто приснилось, тому, что, сняв с себя остатки одежды где-то среди ночи, я смогла заснуть рядом с Олдриджем, или тому, что он всё ещё здесь. Наверное, я бы не удивилась, не обнаружив его с наступлением утра.

– Ты в порядке? Тебе, кажется, снилось что-то плохое… – взгляд, сопровождающий этот, очевидно, волнующий Дэвида вопрос, небезразличный, по-настоящему озабоченный

и содержащий даже, возможно, тревогу. Пусть я и вряд ли знаю до конца, как она выглядит в случае с ним, но я не хочу говорить. Я хочу другого. Того, что не требует слов. – Что ты..?

Я не даю ему закончить. Повернув голову, я позволяю себе ощутить вкус, аромат и взаимность. Коктейль из запаха алкоголя и просто Олдриджа окутывает меня, заполняет собой все мои рецепторы и органы обоняния, когда он забирает недолго находившийся в моих руках контроль и, сжимая обе мои руки в изголовье кровати, целует мои губы так, будто хочет того, чтобы я забыла о существовании абсолютно всех мужчин на свете. Чтобы оказалась словно уничтожена для них. Чтобы думала только о нём. Прокручивала в голове каждое мгновение и хотела ещё и ещё… Снова и снова. День за днём.

Слабая горечь на его языке для меня словно сладость. Я забываю про свет и всё остальное, кроме него одного. Кажется, Олдридж тоже не помнит ничего из того, что я говорила. Мне уже почти нечем дышать, но я всё равно не хочу, чтобы он прекращал. Этот поцелуй… Он созидает меня, что-то собирает обратно и воедино, собирает осколки в более цельную картинку. Я не чувствую себя так, будто меня просто жалеют и поддерживают иллюзию, что я важна. Всё ощущается настоящим. Не так, что ему приходится что-то делать с собой, чтобы захотеть меня.

Наконец мои руки обретают свободу. Ещё немного, и

неспособность касаться свела бы с ума. Олдридж замирает, смотря в мои глаза, не моргая, когда мои пальцы стискивают волосы на его затылке в удерживающем движении, лишь бы не дать отстраниться. Лицо, достойное быть на обложке модного журнала, становится ближе. Мои глаза закрываются сами собой, едва я чувствую давление на губах, которому хочется покориться, не сопротивляясь, и то, как поцелуи спускаются всё ниже и ниже по моему телу. Подбородок, шея, грудь. Я ощущаю смущение. Ведь теперь Олдридж видит меня полностью обнажённой. А если я слишком худая, и ему не нравится? Но эта мысль умирает в зародыше, когда он вновь оказывается рядом, сильный, красивый и кажущийся тем, кого невозможно забыть, как ни старайся. Его взгляд гипнотизирует и подчиняет. Он словно говорит, что можно уехать физически, но всё равно остаться под кожей, и с этим я ничего не смогу поделать. Я начинаю думать, что, может быть, это правда. Что, даже находясь в тысячах километрах от меня, он всё равно что будет стоять у меня над душой.

– Ты пахнешь пыльными страницами и зелёным чаем, – вдруг говорит Олдридж, упоминая то немногое, что ему известно обо мне насчёт любимых занятий и предпочтений касательно напитков. У меня нет и не может быть должной уверенности, но, скорее всего, эта фраза, сказанная кем-нибудь другим, прозвучала бы исключительно неприятно, блекло и серо. Сейчас же она излучает сексуальность и влечение, напряжение момента. Для меня всего этого становится че-

ресчур. Мгновения, мужчины, того, как он словно пытается впитать мой облик в свою память, сохранив его там навек, и, возможно, поэтому бездействует в остальном. Будто бы специально изводит меня и нас обоих.

Я так больше не могу и понимаю, что касаюсь его. Там, где живот, и ниже. Олдридж весь дрожит, и понимание того, что это из-за меня, дарует странную власть. Мне хочется, чтобы он снова потерял контроль так же, как несколько часов тому назад. Мне хочется увидеть это в мельчайших деталях. В темноте ничего из этого не было доступно.

Кажется, я кричу, когда он проникает в меня. Сразу же до конца и глубоко. И мне совсем не стыдно. Если только чуть-чуть. Но и это проходит. Его лицо охватывают страсть и потребность. Он становится лишь больше и толще внутри меня, по крайней мере, так говорит мне собственное тело, и я чувствую почти боль. Боль, которая наверняка станет настоящей к тому времени, как он уедет, и каждым моим шагом будет напоминать мне об этой ночи. О том, что мы делали вместе, что ещё могло бы произойти, о моих словах, глупых и не очень, но в основном о нём. О том, как именно он смотрел, разговаривал, выглядел и заставлял меня себя чувствовать. Как именно был со мной и внутри меня.

Моё тело сжимается вокруг него, когда он утыкается лицом куда-то мне в шею, в этот раз позволяя себе опуститься на меня, едва мы переступаем через невидимую грань одновременно. Я думаю, что ему было хорошо со мной. Изуми-

тельно и потрясающе. Мои ощущения именно такие. Я приветствую его тяжесть… Наслаждаюсь ею. Учащённое дыхание приятно обжигает. Не знаю, что Олдридж сделал, или что в нём есть такого, но мне будто хочется его навсегда. Хотя я понимаю, что это вряд ли стоит воспринимать серьёзно. Не сам акт близости, но мои эмоции после. Я чувствую себя заклеймённой этим мужчиной. Помеченной. Принадлежащей ему. Являющейся его. Но это всё только от того, что для меня он первый после Гленна. А до него у меня и вовсе никого не было. Мне просто не с чем сравнить. Вскоре наступает рассвет.

Мы не говорим о минувшей ночи. Возможно, это и необходимо, но он ничего не спрашивает. Я и тем более не знаю, с чего начать, и стоит ли действительно это делать. Строго говоря, мы вообще не разговариваем. Просто съедаем каждый свою порцию завтрака, который Олдридж заказал по своему усмотрению прямо в номер, пока я бесшумно плакала в душе. Потом мы спускаемся в лобби. Мне фактически ничего не хотелось есть, но под его тяжёлым и словно испытующим взглядом я не смогла иначе и теперь чувствую лишь тошноту. Мне кажется, меня может вырвать в любой момент. Но свежий морозный воздух чуть бодрит, и я вспоминаю, что вообще-то ещё не утратила дар речи. Импульсивные слова касаются того единственного, о чём я сожалею. Теперь, когда начинаю думать, что вся эта ночь… нет, не была ошибкой, ведь я этого хотела, но обнажила во мне ту меня, которую

я не знаю. И даже не уверена, что хочу знакомиться с ней ближе. Я не такая женщина, какой была несколько часов тому назад. Я всегда казалась себе чуть ли не бревном. В такие моменты я никогда не воспринимала себя и Гленна, как одно целое. Против воли при свете дня я приближаюсь к тому, чтобы ощущать себя чуть ли не грязной шлюхой, совершившей акт измены и предательства, да ещё и наслаждавшейся каждой секундой.

– Простите меня. Я не должна была просить вас говорить те слова. Это неправильно.

– Я понимаю. Понимаю, почему ты попросила. Всё в порядке.

Но ничего не в порядке. Я понимаю это по тому, как он пытается улыбнуться, но эта эмоция не касается его глаз, из которых будто бы ушли весь блеск, сияние и свет. У него уязвимый вид. Всецело несчастный. Я почти противна сама себе. Я толкнула его на предательство самого себя. А может, и его чувств к неизвестной мне женщине, если вдруг такая есть, тоже. В некотором смысле я становлюсь как Ава. А ведь она лежит в гробу. Это то, о чём я думаю, ощущая себя беспомощной и разбитой. Всё оказалось совсем не так, как я себе представляла. Я думала, мы просто… Но вместо этого чувствую себя отвратительной.

– И всё-таки забудьте.

– Если ты этого хочешь.

– Да.

Сама я точно не забуду то, до чего опустилась и насколько низко пала, но ему не надо этого помнить. Хотя, может, ему и вовсе всё равно. Или смешно. Просто он слишком порядочный, чтобы это показать, и лишь по этой причине разговаривает со мной исключительно упавшим голосом.

– Мне, наверное, пора.

– Да.

Ни к чему продлевать эту бессмысленную агонию. Он ведь сделал даже больше, чем я просила изначально. Про любовь и признания в несуществующих чувствах не было и речи. И его пальто выглядит слишком тонким для нынешней температуры. Я понимаю, что мне не хочется, чтобы он простыл и заболел.

– Я ведь тебя не обидел?

Я мгновенно вскидываю голову вверх, не понимая природу данного вопроса. Мне было с ним замечательно. Я точно знаю, что не чувствовала того, о чём он говорит. Да, между ног несколько саднит, но это терпимо и ожидаемо.

– Нет.

Я почти жалею, что не могу сказать ему о том, насколько живой и пробуждённой он сделал меня впервые за долгое время. О своих переживаниях, что так всё было лишь в моей голове. Заговорить о чём-то из этого значит признать на словах существование этой ночи, но это не для меня.

– Тебя подвезти?

– Нет. Мне будет полезно пройтись.

Я просто не выдержу нахождения с ним в тесном пространстве машины. Такой же привлекательной, как и он сам. Не дай Бог снова произнести что-то безрассудное. Лучше сразу умереть от стыда.

– Тогда я…

– Да.

На протяжении нескольких мгновений мне кажется, что он вот-вот подойдёт, преодолеет незначительное разделяющее нас расстояние и сделает что-то, чтобы помочь мне почувствовать себя менее сломленной, но от него ничего не зависит. Совершенно ничего. Видимо, он приходит к тому же самому выводу, потому что кивает наверняка своим каким-то мыслям и, посмотрев на меня в крайний раз, ведь внутри себя я никак не желаю считать его последним, садится в автомобиль, захлопывая за собой дверь.

Машина разворачивается слишком скоро и направляется в сторону выезда из города. Кажется, с её скоростью проходит всего секунда или две прежде, чем она исчезает в отдалении, становясь лишь крохотной точкой на горизонте.

Я направляюсь домой, едва удерживая вчерашние книги в почему-то ощущающейся слабой руке.

Глава 5. Безыдейность

– Ты сегодня какая-то странная. Не такая, как обычно.

– О чём ты говоришь?

Моё совместное вместе с Кирстен патрулирование дорог не так давно подошло к концу. Теперь нам на смену заступает другая команда. Я уже почти заканчиваю переодеваться из формы в свою собственную одежду, когда слышу эти слова среди господствовавшей до нынешнего мгновения безмолвной тишины.

– Ты отпустила того мужчину, который опаздывал к врачу. Полгода назад ты бы оштрафовала его, не задумываясь и не приняв данную причину во внимание. В принципе ты так и поступала во всех подобных случаях, невзирая на мои слова, что мы здесь не столь принципиальны. Теперь же в тебе будто что-то поменялось. Эй, я что-то не то сказала? Мэл?

– Нет, всё в порядке. Просто я нигде не могу найти свой сотовый телефон. Наверное, оставила в служебном автомобиле. Надо успеть, пока парни не уехали. Увидимся после Дня благодарения.

Я наскоро прощаюсь с коллегой, хотя это вряд ли можно так назвать, и покидаю раздевалку быстрым шагом. Но на самом деле мне некуда торопиться. Я ничего не теряла и не забывала ни в патрульной машине, ни где бы то ни было ещё. Просто у меня нет ни намерений, ни желания рассказывать

о себе и о том, что шесть месяцев тому назад я злилась на весь чёртов мир в целом и на каждого человека в частности. И потому-то и не учитывала всякие объяснения и оправдания, не считая даже самые уважительные из них достаточными для того, чтобы превышать скорость и нарушать правила дорожного движения. Я была жёсткой и отрицающей поиск любых компромиссов, не желающей ничего слушать, когда перед законом все должны быть равны. Но несколько часов назад, и правда, позволила тому человеку уехать. Так же, как и Олдриджу. Нет, даже не начинай этого снова. Не смей.

Но мысли уже вторгаются в меня бурным потоком, сметая всё на своём пути. Несмотря на то, что прошло целых две недели, воспоминания всё так же свежи и отчётливы. Они нисколько не потускнели. Разве что засос, оставленный на шее, который я обнаружила по приходу домой из отеля, почти сравнялся по цвету с окружающей кожей. Я думаю, что буду скучать по нему, когда он окончательно исчезнет. Так же, как некоторая часть меня начала тосковать по Олдриджу в первый же вечер. По нему надо мной, рядом и во мне. По его словам, взглядам, движениям, действиям и близости. Вот, наверное, кто смягчил мою злость. Даже не осознавая этого, ослабил её до такой степени, что я стала вольно и расслабленно подходить к исполнению своих прямых обязанностей, но меня это даже не беспокоит. В отличие от того, что он просто уехал. Я привнесла слишком много эмоций в обычный секс. Наделила мужчину теми качествами, которы-

ми он, возможно, и не обладает. Стала ожидать непонятно чего, когда мы ничем друг другу не обязаны, а он мне и тем более. Но чем больше я пытаюсь заставить себя остановиться, запретить себе вспоминать, тем в моей голове всё становится только хуже. Сильнее. Чётче. Пронзительнее. Острее. Как будто всё закончилось только что, а не две недели назад. Как будто я всё ещё ощущаю его. Губы, руки, вес тела, желание, силу и страсть. То, как он растворяется во мне. Лишается контроля в моих объятиях. Забывается в экстазе.

Думая об этом, я часто теряюсь в пространстве, утрачиваю осознание, где нахожусь и просто что собиралась поесть, перестаю ощущать аппетит или не понимаю, что конкретно читаю, в результате пробегая глазами одни и те же строки по несколько раз, но всё равно не приближаясь к разгадке смысла в том или ином отрывке. Иногда я касаюсь себя, но чувствую лишь разочарование. Хотя я никогда и не дотрагивалась до своего тела слишком часто, сейчас оно и вовсе словно насмехается надо мной, говоря мне, что я полная дура. Что наедине с собой у меня больше никогда и ничего не выйдет. Что всё это просто напрасная трата времени и усилий.

Сэндвич, что я ем, сидя за кухонным столом и бесцельно глядя в окно, не разбирая пейзажа за ним, оказывается безвкусным и каким-то не таким. Хотя я и знаю, что дело вовсе не в том, что с его приготовлением что-то не сложилось. Он точно с тем же вкусом, что привёз мне тогда Олдридж.

Во всём городе было, есть и будет лишь одно заведение, где можно его купить, так что мне всё очевидно. Проблема от начала и до конца заключается во мне. В отсутствии у меня аппетита, как такового.

Я споласкиваю тарелку под струёй тёплой воды, когда на подоконнике начинает звонить лежащий там телефон, и наскоро вытираю руки о мягкое полотенце, прежде чем ответить.

– Алло.

– Мне необходимо с тобой посоветоваться, – будто голоса не было достаточно для распознания, я отнимаю сотовый от уха и смотрю на дисплей, где вижу написанную белым шрифтом поверх серого фона фамилию из семи букв. Без всякого имени. Просто Олдридж. – Ты слышишь?

– Д-да. Я слушаю.

Я пытаюсь не чувствовать этого и мысленно отрешиться от ощущения. Но сердце ускоряется так, что его биение начинает бешено пульсировать и в шее, и в груди. Я сажусь на стул, потому что не уверена в своих силах и в том, что смогу устоять. Ноги кажутся мгновенно ослабевшими и подгибающимися.

– Ты всех тут знаешь, а значит, точно сможешь мне помочь и кое-что разъяснить.

Он говорит со мной так, будто не видит, что происходит с моим телом лишь из-за одного его голоса. Даже когда, встрепенувшись, я осознаю физическое отсутствие, вслед за этим

приходит лишь уверенность, что он должен, по крайней мере, слышать, догадываться, подозревать. Но это не личный разговор. Не совершаемый буквально из-за меня. Я начинаю испытывать разочарование. Пока тихое и спящее, но имеющее все шансы стать громким. Пусть не наяву, а исключительно внутри, но всё-таки.

– Без проблем. В чём именно нужен мой совет?

– Так сразу и не объяснишь. Я прежде должен кое-что показать. Я подумал, может быть, я могу приехать? Около семи часов. Это нормально? Ты не будешь на дежурстве?

У меня полная безыдейность относительно того, почему он это просит. Зачем ему тратить столько времени, когда всё, что необходимо, я могу просмотреть посредством электронной почты? Но я не говорю этого. Я не в силах отказать. Но кому? Ему в помощи? Или себе в возможности его увидеть?

– Нет, я уже с ним закончила. Всё хорошо.

– Тебе что-нибудь нужно? – только ты. – Я могу привезти, что пожелаешь, – привези себя. И это всё.

– Нет, ничего.

– Тогда до встречи.

– Да, до вечера.

В ожидании я пытаюсь смотреть телевизор, предпочитая его книге лишь потому, что, отвлекаясь каждую минуту, чтобы посмотреть на часы, на чтении мне и вовсе было бы невозможно сосредоточиться. Иногда меня посещает мысль переодеться, сменить хотя бы одни легинсы на другие, те, что он

ещё не видел. Но я отказываюсь от неё столько же раз, сколько она ко мне приходит, не желая показаться надеющейся на что-то, даже если всё именно так и обстоит. Но внутри я чуть ли не продумываю всё наперёд, пытаясь понять, о чём конкретно может пойти речь, пока не бросаю это абсолютно бесперспективное занятие. Тем временем семь часов сменяются пятью минутами восьмого, а чуть позже и семнадцатью. Возможно, он уже разобрался во всём самостоятельно или получил мнение со стороны в другом месте. Склоняясь к тому, что он мог не посчитать нужным об этом сообщить, я отправляюсь на кухню, чтобы заварить себе чай, когда стук в дверь провоцирует мурашки по всему моему телу. Я пытаюсь оборвать их распространение силой мысли и внушения, лишь бы не чувствовать их самой, но всё тщетно. Они всё ещё на моей коже и под ней, возможно, тоже. Хорошо, по крайней мере, то, что всё прячет одежда.

– Прости, я задержался.

– Ничего, всё нормально. Я как раз собиралась поставить чайник. Хотите кофе?

В отличие от меня, он не любит чай. Даже почти что ненавидит. На ночь пить кофе не рекомендуют, но он всё равно употребляет именно его, как бы ни было поздно. Я видела это, когда мы нередко задерживались на работе в первые дни расследования, впоследствии разрушившего мою жизнь.

– Не откажусь.

– Так по поводу чего вы хотели со мной посоветоваться?

Включив газ и долив воды, я поворачиваюсь к Олдриджу, вешающему пиджак на спинку одного из двух стульев. Клянусь, то, что он стал выглядеть менее официально и претенциозно, необратимо заставляет меня думать обо всех тех способах, которыми я могла бы заставить его стать визуально ещё более расположенным и открытым. Но он не смотрит на меня как-то по-особенному, лишь исключительно профессионально. Мне приходится повторять себе перестать, остановиться и сосредоточиться.

– Ты ведь помнишь миссис Джонсон? Замужем, тридцать девять лет, есть четырнадцатилетний сын.

– Да, конечно.

– Вчера она обратилась ко мне с заявлением на собственного мужа, основанном на том, что он её якобы ударил, хотя на её лице ни царапины. Да и она не выглядела, как запуганная женщина, боящаяся возвращаться домой к супругу, когда, покинув участок, именно туда и направилась. Но факт остаётся фактом. Я принял заявление, но уже сегодня утром она вернулась и стала просить меня его уничтожить, при этом утверждая, что ты уже так поступала. Естественно, я не мог просто взять и поверить в сказанные ею слова и отправился в архив, где и нашёл копию старого заявления, но без оригинала и как такового дела. Оно у меня с собой. Не расскажешь, что тут к чему?

Он опускает на мой обеденный стол два листа формата А4, на одном из которых ксерокопия давнего рукописно-

го текста, а на другом обращение, датированное вчерашним днём. Подойдя, я беру в руки обе бумаги и пробегаю их глазами, вспоминая суть прошлую и сравнивая её с нынешней. Только это помогает мне по-настоящему воскресить в памяти подробности тех своих действий, когда я, очевидно, не предприняла ничего, что по идее была должна. Я реально знаю тех людей гораздо лучше и отлично помню причину, по которой отказалась даже от элементарной разъяснительной беседы.

– Вам придётся подчиниться. Это всё не всерьёз. Миссис Джонсон частенько это практикует. Эта моя копия сохранилась лишь случайно. Таких заявлений было гораздо больше. Но всегда без побоев.

– Я не уверен, что понимаю.

– В Теллурайде скучно. Каждый развлекается, как хочет. Для этих двоих это просто способ взбодриться. Привнести что-то новое в отношения. Напряжение и страсть. Время от времени она подаёт заявление, они ссорятся, как будто всё реально, а потом, разумеется, мирятся, но всё это игра, которая просто должна выглядеть правдоподобной. А достоверности без обращения в полицию не достичь. Впоследствии его, конечно, надо забирать, но это тоже способствует разнообразию. В первый раз, столкнувшись с этим, я отреагировала точно так же, как и вы. Мысленно покрутила пальцем у виска и про себя понадеялась, что это больше не повторится, но вижу, что это всё ещё напрасно.

– То есть это что-то вроде сексуальной прелюдии?

– Да, это именно она.

– Понятно.

Склонившись, он пододвигает бумаги к себе и, как попало, помещает их обратно во внутренний карман пиджака в вертикально полусогнутом виде, держа вещь в правой руке. Это выглядит так, словно он приехал лишь ради консультации. Я и так всё знаю, но видеть…

Меня выручает свист чайника. Я отворачиваюсь и делаю соответственно кофе и чай, ставя один из бокалов на стол ближе к Олдриджу, уже желая лишь того, чтобы он поскорее ушёл. Чтобы избавил меня от своего присутствия. Но я не могу этого сказать. И вовсе не из вежливости. Просто я подсознательно ищу способ, чтобы он пробыл здесь дольше. Мне кажется, что и минута будет спасением.

– Хотите печенье с кусочками шоколада?

– Хочу.

Я достаю упаковку из нижнего ящика, чувствуя, что Олдридж стал ощутимо ближе. Наши пальцы слегка соприкасаются, когда, выпрямившись, я отдаю её ему. Он смотрит на неё так, будто не знает, что с ней делать, и с какой стороны она открывается, а спустя секунду и вовсе швыряет её на стол около меня, заставляя всё мое тело вздрогнуть. Я не успеваю ничего ни спросить, ни сказать. Слова застревают в горле даже прежде, чем я осознаю перемену во взгляде Олдриджа, а он уже прижимается ко мне так, как будто хочет

слиться, и того, что есть, недостаточно. Будто ему нужна я вся. Не только моё тело, но и мысли, душа, сердце.

Его поцелуй словно последний в его жизни, и он выбирает меня в качестве той, с кем желает всё разделить перед своей неминуемой скорой смертью. Некое отчаяние, сквозящее в нём, пусть я и не понимаю его причин и не могу знать, что внутри Олдриджа, лишь подталкивает меня к действиям. Расстегнув мою блузку, он толкает левую чашечку лифчика вниз. Краткое ощущение холода мгновенно стирается губами, накрывающими сосок, и зубами, прикусывающими кожу. Я думаю, что там останутся следы. И хочу впоследствии увидеть их. Надеюсь, что он повторит это снова, чтобы уж наверняка. Но чувствую почти оскорбление, когда желаемое не осуществляется в действительности. Это кажется безумием, сумасшествием, и, наверное, это характеризует меня в соответствии с этим. Но я словно перерождаюсь, становлюсь Мелани, которой плевать на ту женщину, какой она была ещё час назад, и тянусь к ремню и молнии на его брюках. Даже если позже всё вернётся на круги своя, сейчас данной вероятности не под силу меня остановить. Мне просто хочется хоть что-то сделать. Сделать хоть что-то для него. Чтобы уничтожить эту непонятную подавленность и тоску, ощущающуюся в нём.

Потерявшаяся, буквально растворившаяся в этих мыслях и позволившая им пропитать всю мою суть, я почти касаюсь его. Но он перехватывает мою руку, разворачивая меня спи-

ной и сжимая мои волосы. Чувство слепоты, когда мне недоступны его глаза, некоторой обездвиженности из-за ладони, сжимающей шею в почти удушающем обхвате, и минимальной обнажённости, будто мы крадём друг друга у других людей и при намёке на обнаружение должны будем одеться максимально быстро, лишь заставляет хотеть сильнее, громче, глубже.

Он отпускает мои волосы, но не шею, перемещая руку мне на грудь, сжимая её почти до боли. Никогда не чувствуя себя так до него, в голове я хочу, чтобы ничего из этого не происходило, но тело меня предаёт. Оно прижимается ближе и теснее, собираясь лишь подчиняться и позволять делать, возможно, всё, что только заблагорассудится Олдриджу. Одно лишь его проникновение уже почти бросает меня за грань, когда правая рука ещё грубее и жёстче сдавливает кожу на моём горле. Может быть, именно так всё начиналось с Авой, как игра и часть сексуальной подоплёки. Наверное, я должна бояться, помня о ней и о том, как легко сильным мужчинам бывает перейти к причинению вреда и совершить непоправимое, забрать жизнь своими голыми руками, но Олдридж… Если бы он хотел сделать мне больно, то уже, наверное, сделал бы. Возможностей было предостаточно. Я никогда не была уязвимее, чем с ним в номере отеля и сейчас.

Твёрдая рука нежно, но резко запрокидывает мою голову назад. Я жду поцелуя, хотя бы мимолётного и едва ощутимого, настолько мне его не хватает, но вместо этого гу-

бы оказываются около моего левого уха, почти задевая его. Горячее, прерывистое дыхание заставляет меня переживать каждое движение, каждый толчок и каждое прикосновение только острее, пронзительнее и ярче. Внутри всё переворачивается снова и снова. Весь мой мир сужается до крохотной точки, вмещающей лишь этого мужчину, невзирая на то, что Олдридж ничего не говорит, даже если в какой-то момент и хотел. Чувствуя его дрожь, передающуюся мне, становящуюся моей, я понимаю, что он близок. Он, но не я. Но мне всё равно. Я помню лишь желание сделать ему хорошо, которое вообще-то кажется целой потребностью. Первостепенной необходимостью. Мне необязательно тоже испытывать это самой. Я только не знаю, как сказать, чтобы он…

В этой неопределённости неожиданное касание путает меня только больше. Почти лишает рассудка. Ускоряет сердцебиение ещё сильнее. Олдридж наверняка его слышит, а даже если и нет, оно не может не ударяться в его ладонь поверх моей шеи прямо сквозь кожу. Я будто со стороны наблюдаю за тем, что он делает со мной же. Моя единственная запоздалая реакция заключается в резком сжатии левого рукава рубашки, так и оставшейся на нём, но длинные, искусные пальцы уже внутри меня. Мгновенно распознавая, что мне нужно, они подводят моё тело к краю постепенно, но неустанно и легко, без сомнений и неуверенности. Когда каждая клеточка организма оказывается словно в огне, начиная от стоп на едва сохраняющих силы стоять ногах и заканчивая макуш-

кой головы, оставшейся совсем без мыслей, я чувствую, как Олдридж неистово цепляется за меня. Моя рука неосознанно переплетается с его, до которой опрометчиво дотронулась чуть раньше то ли в попытке остановить, то ли в стремлении стать ближе. Теперь я и сама уже не знаю, что это было. И не уверена, что смогу понять. Только не после его внезапных слов, произносимых куда-то в мои волосы и наконец оставленную в покое шею. Наверняка на ней не просто следы, а множество чётко различимых отпечатков пальцев. Моё тело могло бы послужить отличной уликой против Олдриджа.

– Я ни черта не задержался, – шепчет он в странном приступе небывалой для него откровенности, с которой до этого момента мне ни разу не доводилось иметь дело и сталкиваться со всем этим лично. Да и с чего бы это вдруг? Мы были просто коллегами. Мы и сейчас… Но о том, кто мы теперь, у меня нет ни малейшего понятия. Даже близко и примерно. А он тем временем лишь продолжает, и каждое новое слово по какой-то причине делает мне только больно и плохо буквально до тошноты. – Просто сидел в машине около твоего дома в течение двадцати минут и пытался не думать о том, как делаю это. Но меня к тебе тянет. Все эти две недели… Я думал, что уже никогда не найду причину, чтобы приехать. Я ничего не хочу так, как тебя в своей жизни.

Глава 6. Беглец

– Мне… мне надо одеться.

Олдридж по-прежнему сжимает моё правое плечо, будто, не имея поддержки, не способен стоять на своих ногах. Наши ладони всё ещё тесно соединены около нижней части моего живота. Но я больше не могу испытывать ничего из этого. Это слишком… Слишком трудно, слишком невозможно и слишком странно, чтобы продолжать. Я чувствовала себя неповторимой, желанной и необходимой, даже не понимая, как возможно ощущать такое с человеком, которого ты едва ли знаешь, но его слова… Они испортили всё волшебство. Разрушили словно магию. Поставили меня перед осознанием необходимости принять решение. А я даже не знаю, откуда это взялось. Просто сказанное, повторяясь в моей голове, звучит так, как будто я что-то упустила, снова проглядела и не заметила того, что должна была. Чувство дежавю не заставляет себя долго и мучительно ждать.

– Мэл.

– Я не могу сейчас. Нам лучше…

– Я понимаю.

Он отступает от меня в согласии, но, приводя себя в порядок, поправляя бельё и всё ещё ощущая все прикосновения, посредством взгляда украдкой я различаю, что в действительности Олдридж вряд ли такого мнения, какое пытается

мне внушить. Он выглядит так, как будто я его побила или, по крайней мере, сильно разочаровала. Его руки, застёгивающие брюки, прежде заправив в них рубашку, кажутся медлительными, уставшими и обессиленными, и вовсе не потому, что дотрагивались до моего тела и делали с ним то, что до него я никогда и не хотела чувствовать и даже не могла себе вообразить. Просто так или иначе я оттолкнула его. А теперь осознаю, что мне противно видеть Олдриджа таким.

– Почему вы это сказали?

– Потому что я чувствую себя так рядом с тобой.

Он говорит это твёрдо и без колебаний, в упор смотря на меня, но внешний вид выдаёт некую растерянность, совершенно новую для меня, когда речь заходит о нём. Это против всякого желания и намерений напоминает мне о том, что ему нужен был повод. Какой угодно глупый и нелепый, но необходимый, чтобы оказаться здесь. Будто я сама по себе ничего не стою, и со мной не обойтись без плана или даже целой стратегии. Эти мысли заставляют ощущать обиду. В этот раз даже худшую, чем всё то, что было после того, как Олдридж пришёл вытаскивать меня из добровольного заточения в кабинке туалета.

– Вы ошибаетесь. Мы просто пару раз трахнулись.

Я не знаю, почему говорю это, если ни единого раза не воспринимала нас вместе подобным образом. Всегда чувствовала что-то большее, чем просто секс. Но слова берут и оказываются на поверхности. Чужеродные. Неправильные.

Ядовитые.

Из-за них он бледнеет на глазах. Я понимаю, что сказала то, что не следовало. О чём могу пожалеть. Что уже заставляет меня испытывать эти ощущения.

– Ты не думаешь так. Ты бы хотела, но этим всё и ограничивается. В действительности же ты не чувствуешь того, о чём говоришь.

– Вы ничего не знаете обо мне.

– Ты предпочитаешь зелёный чай чёрному, хотя и можешь пить и то, и то, но никогда не выберешь кофе, даже если альтернативой ему будет лишь вода. Ты не способна оторваться от книги, если она тебе нравится и с каждой страницей только всё больше погружает тебя в сюжет, до тех пор, пока игнорировать что-то и дальше не становится реально невозможным, и грустишь, когда наступает концовка, переживая, что найти что-то столь же запоминающееся будет невероятно трудно. Ты готова вывернуться наизнанку ради окружающих, лишь бы тебя любили, но всё равно не считаешь себя этого достойной. Я предполагаю, что ты не всегда была такой, а значит, это напрямую связано с той сволочью, которую ты называла женихом, – он произносит всё это буквально на одном дыхании, эффективно доказывая мне, что я заблуждаюсь. Меня даже не расстраивает то, что он сказал про Гленна. Точнее, конечно, расстраивает, но не настолько, чтобы говорить что-то защищающее, потому что такие вещи должны основываться на аргументах, позволяющих убедить

другого человека в своих доводах и заставить его с ними согласиться, а иначе всё бессмысленно. Но у меня перед глазами как раз лишь факты и ужасная правда. – Мне продолжать?

– Вы следили за мной?

Я вспоминаю все те моменты, когда, обнаруживая отсутствие чайных пакетиков, вынужденно довольствовалась водой, глотая её бокал за бокалом при наступлении жажды. Или как находила время, чтобы почитать, и внутренне буквально выходила из себя, едва кому-то непременно начинала требоваться моя помощь, совет или целое руководство к действию, что рано или поздно принуждало меня отложить своё начатое в минуты затишья занятие. Или как почти плакала, ощущая тоску из-за необходимости прощаться с героями из-за физического завершения той или иной истории. Мне казалось, что до меня никому и дела нет в том плане, что каждый банально занят, и ему некогда смотреть по сторонам и в некотором роде лезть в личное пространство своего коллеги из-за банального любопытства. А теперь… Теперь я уже не знаю, что и думать. И не уверена, что хочу знать, что ещё он может мне сказать или в чём признаться. Услышанного и так достаточно, чтобы нарушить привычную мне картину мира, в которую я привыкла верить.

– Не следил. Наблюдал. Для меня это разные вещи и понятия. Я знаю тебя лучше многих, Мэл. Так, как им никогда не будет позволено узнать. Потому что они ничего не видят, а

люди не имеют привычки подходить друг к другу и начинать рассказывать о себе что-то такое, что можно понять только посредством взгляда. Как правило, ты ешь лишь горький шоколад и вафли, и иногда конфеты. Но всё это должно совсем перестать существовать, а не просто оказаться вне пределов досягаемости в определённый момент времени или вообще потребовать похода в магазин, чтобы ты приняла угощение в виде зефира. Ты ненавидишь разговоры ни о чём, когда сама смогла бы выразить ту же самую мысль гораздо быстрее, чётче и понятнее. Такой бардак не вызывает у тебя ничего, кроме раздражительности. Но при этом ты терпелива и сдержанна, и никогда даже случайно не выдашь то, как устала находиться в ожидании ясности и сути проблемы. Я понимаю, что в этом вся ты, но так не заслужить даже уважения. Иногда нужно быть другой. Особенно после…

– Хватит.

– Я не желаю тебе зла, Мэл.

– Вы просто не понимаете, когда нужно остановиться, я знаю.

Неспособная слушать всё это и дальше, я прохожу мимо него, оставляю его позади и прежде, чем осознаю, куда именно иду, уже оказываюсь в спальне, в которой почти не нахожусь. За исключением тех моментов, когда мне нужна собственная одежда, вся хранящаяся в стоящем здесь шкафу. Но это единственная комната, где можно запереться. Я здесь только ради этого, и всё. Мне просто нужно время наедине с

собой. Голос внутри меня говорит, что Олдридж может уйти и уехать, но я фактически его не слышу. Ведь я всё для себя определила и решила. Тогда, две недели назад. В ту единственную ночь. Что в Теллурайде для этого мужчины нет и не может быть никого подходящего. Его слова… Его почти что прямота кажется мне невероятной чушью. Такому, как он, судьба быть с какой-нибудь моделью, а я совсем на неё не похожа. Я, конечно, не коротышка и не дурнушка, но со мной вряд ли захочется сходить в ресторан, в кино или в театр, или ещё куда-нибудь, где есть другие люди. Я ничего не ношу столь же часто, как джинсы, и вряд ли мне повезёт отыскать на одной из вешалок хотя бы давным-давно вышедшую из моды юбку, не говоря уже о красивом платье. Не то чтобы это имеет сильно большое значение, учитывая отсутствие особых развлечений в этом городке. Да и в Теллурайде ситуация немногим лучше. Но суть остаётся прежней. Рано или поздно весь этот регион приестся Олдриджу из-за своей скуки и статуса чуть ли не вымирающей местности. Но со мной не всё так прозрачно и очевидно, поэтому ни гипотетически, ни практически я не хочу быть сдерживающим фактором, когда он созреет вернуться туда, откуда изначально появился. Женщиной, от которой он бы и рад уже наконец отвязаться, но воспитание не позволяет.

Так скажи ему, что хотела и думала лишь о сексе, и что запретишь себе вспоминать и не будешь тосковать, и дело с концом, шепчет всё тот же голос. Но в этот раз он кажется

мне жестоким и бессердечным. Произносящим страшные и злые вещи. Направленные в том числе и против меня самой. Я словно беглец, вырвавшийся из клетки и из-за решётки, но осознавший, что тюрьма осталась внутри него, и всё совершённое было по сути бессмысленным. Весь проделанный по направлению к свободе путь. Ты пытаешься вдохнуть её, но ничего не выходит. Потому что ты уже привязалась. К человеку, к вызываемым им эмоциям. К тому, как чувствуешь себя, находясь рядом с ним или просто не переставая думать о нём, какое бы расстояние вас не разделяло. Это не просто жажда тела. Пусть и привлекательного. В глубине души тебе вряд ли нужно только оно. И в реальности ты действительно знаешь, что он никогда тебя не трахал. И не использовал. Это ты хотела видеть всё лишь в таком свете. Так было бы гораздо проще. Но всё иначе. Всё точно так, как сказал он. Он знает тебя. Не всю, но значительную твою часть из того, что обычно содержится внутри и не видно постороннему взгляду. А снаружи… Снаружи и тем более. Последнее ты и вовсе допустила сама. Единолично и сознательно. Твоя уверенность в собственной незначительности тут ни при чём. И его внимательность в сочетании с зорким взглядом тоже.

Я обнаруживаю Олдриджа сидящим на краю дивана сразу же, как только выхожу из комнаты. Но, не зная, как воспринимать то, что он по-прежнему тут, застываю посреди шага и цепляюсь за дверную ручку, будто только она может помочь мне разобраться.

– Вы ещё… здесь?

Тон моего голоса словно решает всё за меня, когда звучит удивлённо и вопросительно, с целым букетом сомнений, кажущимся слишком большим и внушительным, чтобы на них все нашлись чёткие и однозначные объяснения. Чтобы Олдридж вообще захотел их мне давать. Визуально он выглядит готовым к этому, но наряду с этим в его облике есть и что-то поникшее, выдающее страдание. Эта душевная обнажённость доставляет мне лишь немыслимую боль. Его бронзово-коричневые волосы растрёпаны гораздо больше обычного. Я представляю, что Олдридж, возможно, терзал их и тянул отдельные пряди, таким образом пытаясь унять стресс и напряжённость. Борясь с эмоциями, которые вполне могут быть ему неподвластны. При мне он впервые так морально открыт. Относительно него у меня есть лишь подавляющая неизвестность. Застилающая рассудок неясная мука. Которую мне хочется унять. В нас обоих. Но почему он позволяет мне всё это созерцать? Почему производит впечатление больного? Почему вообще я?

– Да, Мэл, и более того, я буду здесь до тех пор, пока не получу ответ на свой вопрос.

– Но вы ничего не спрашивали.

Но этими словами я только лгу сама себе. Пытаюсь себя обмануть и убедить, чтобы стало хотя бы чуточку легче, или чтобы он и вовсе отступил. И фактически перестаю ощущать, как поднимается и опускается моя грудная клетка, а

значит, и всё дыхание, вероятно, оказывается под угрозой, как только Олдридж всем своим видом ясно демонстрирует отказ удовлетворять мою невысказанную мольбу и, поднявшись, подходит ко мне. Слишком неуклонно и близко, с болезненной очевидностью вторгаясь в моё личное пространство, словно захватчик, плевавший на границы и чужой суверенитет.

– Я думаю, что мне и не нужно. Мои действия сказали всё за меня.

– Послушайте, я не знаю, что вы для себя поняли или увидели, но…

Я не договариваю из-за звуков и слогов, просто застревающих в горле в ответ на руки, оказывающиеся на моём теле, когда Олдридж прижимает его к дверной коробке в удерживающем плечи движении. Меня будто парализует. Глаза, кажущиеся тёмными и мрачными, словно гипнотизируют и подчиняют чужой воле, настолько пронзителен их взгляд, заглядывающий в самую душу и не покидающий моего лица. То, как твёрдо и с жёсткой уверенностью звучат будто десятки раз отрепетированные слова, лишь усиливает моё смятение.

– Я хочу шанс для нас, Мэл. Я так давно этого хочу…

Он почти прижимается ко мне, и я ощущаю странное, абсурдное отчаяние, которого не понимаю, не знаю, как к нему относиться. Но пальцы моей правой руки, словно повинуясь странному притяжению, не подлежащему контролю извне,

вплетаются в бронзово-коричневые волосы на затылке, то ли желая оттолкнуть, то ли наоборот. Я ничего не могу определить даже лично для себя. Хотя многое, возможно, обретает прежде недоступный мне смысл. То, почему в ту ночь Олдридж согласился на все мои условия. Быть в темноте, не целовать меня, следовать словам, сказанным мною в процессе и обозначившим прочие границы. Это всё быстро забылось, но сам факт… Можно ли действительно хотеть кого-то так, чтобы этот человек даже не подозревал о вызванном интересе на протяжении множества месяцев, и, будучи уверенным в неспособности получить желаемое, дойти до ощущения внутреннего поражения? Похоже, что да, очень даже можно. Я чувствую это в Олдридже прямо здесь и сейчас. Но он никогда не относился ко мне как-то по-особенному. Его слова кажутся мне нереальными и абсурдными. Невозможными… Теми, в которые, будучи адекватным и рационально мыслящим человеком, никто не поверит. Мне ближе собственное отчаяние, вряд ли уже ушедшее полностью, и потребность избавиться от него хотя бы на время какими угодно способами, чем то, что, вероятно, испытывает Олдридж или, по крайней мере, думает соответствующим образом.

– Это неправильно. Я не уверена, что…

Я убираю руку от его головы, наполненная вынужденной необходимостью разорвать этот порочный круг. Та бессильно повисает вдоль моего тела, когда одновременно с этим моя голова склоняется вниз, больше неспособная сохранять

зрительный контакт, ощущать которой становится слишком трудоёмко и тревожно. Но сильные ладони держат по-прежнему крепко и, кажется, не собираются отпускать.

– Мы могли бы попробовать, Мэл, – шепчет Олдридж проникновенно и неуступчиво, – иначе ты никогда не узнаешь, как всё могло бы быть. Лучше жалеть о том, что сделала, чем об упущенных возможностях.

– Я и так сделала достаточно, и мне не нужно ещё…

Я не имею в виду его, скорее лишь Гленна, и думаю, что это очевидно, но в глазах, взирающих в мои, есть ещё и ожидание отказа. Всё вне его точно будет ошибочным решением. Мы чувствуем по-разному. Я ощущаю лишь то, что сейчас могла бы быть беременной, дохаживающей последние недели срока, безвылазно сидящей дома и наверняка состоящей в браке, заключённом не по великой любви, а исходя из обстоятельств, и ничего из этого вообще бы не происходило. Ни нынешнего разговора, ни всего остального. Носящая под сердцем чужого ребёнка, я бы точно не была нужна.

Я хочу сказать всё раз и навсегда, даже если это означает, что Олдридж, скорее всего, уедет и больше не вернётся, но нежное касание сбивает меня с толку. Он не делает ничего сверх него, просто дотрагивается до кожи под моей рубашкой близ поясницы, и всё. Я не понимаю, почему это ласковое тепло такое возбуждающее, когда мы разделяли и более личные вещи. Я лишь чувствую трепет и соответствующий ему поцелуй, противостоять которому не испытываю ни ма-

лейшей способности.

Глава 7. Развод

В этот раз он кажется другим. Ласковым и мягким. Искренним и заботливым. Вероятно, сдерживающим свои инстинкты. Но я всё равно чувствую его голод. Одержимость мной. Когда он бережно целует мою шею. Неторопливо избавляет меня от одежды. С желанием сжимает моё правое бедро, сгибая ногу в колене и становясь ближе. Наши вещи повсюду вокруг нас, лежащие то тут, то там поверх кровати, в которой я никогда не спала и даже не находилась в течение дня, не желая усиливать ощущение собственного одиночества. Но здесь и сейчас я не одна.

Олдридж смотрит на меня, не моргая и не отводя взгляд, всю пристальность которого не может скрыть даже темнота. Его левая рука опускается на мой подрагивающий живот, начиная двигаться в сторону восприимчивой груди, и, клянусь, мне хочется большей близости. Я не могу дышать, не чувствуя при этом силу мужского тела и исходящий от него жар. Но ничего из этого всё равно не выглядит достаточным. Или я просто не знаю, что делать с его нежностью. С тем, как мужчина сознательно медлит, будто потерял всякое понимание, как можно и дальше поступать так, как прежде. Просто брать, и всё.

– Что-то не так?

Я спрашиваю это необдуманно и неожиданно для себя са-

мой, и потому очень тихо, нервничая, что Олдридж не из тех, кто говорит в такие моменты и хочет слушать глупые вопросы. Но он словно застыл в пространстве, и это вроде как пробирает меня до дрожи. Возможно, даже пугает… Я ведь ничего о нём не знаю. Вдруг ему из-за чего-то нехорошо? Из-за чего-то серьёзного вроде болезни?

– Нет.

Ответ правдивым почти шёпотом сопровождается тем, что, причиняя некоторую боль, мужчина снова стискивает обнажённость моего бедра, раскрывает меня для себя, и тогда осторожный толчок наконец делает нас одним целым. Позволяет мне ощутить без преувеличения всё без остатка и стать особо чувствительной. Я думаю, что отдалась бы ему прямо на полу. Не обращая внимания на всю вероятную порочность, скрывающуюся за этим.

Мои руки опускаются на могучую и твёрдую поясницу, незначительное расстояние сменяется теснотой и контактом кожа к коже, восхитительным и неспешным трением. Я хочу, чтобы это длилось и длилось. Полчаса, час, день. Вечность. Пока мир не перестанет существовать.

Олдридж прижимает меня к себе, и я оказываюсь в его влажных и обжигающих объятиях, когда он садится. Чистый импульс погружает мои пальцы в волосы, что сейчас лишены своего отливающего золотом цвета и представляют собой лишь очертания и контуры, когда мы становимся связаны совсем неразрывно. Намного сильнее, чем я вообще могла се-

бе представить. Посредством тел, двигающихся синхронно и непривычно спокойно, и из-за губ, неспособных оторваться друг от друга даже в мгновения особой нехватки воздуха. Мы словно находим необходимый кислород в дыхании, которым обмениваемся. Я чувствую себя так, будто от Дэвида ко мне протянулась невидимая, но очень крепкая нить, что прошила моё тело и вновь вернулась к нему, чтобы закрепиться, образовать узелок и соединить нас навечно. Всё кажется основательным и нерушимым. Непоколебимым. Не игрой и не отвлечением, в котором однажды исчезнет всякая необходимость, а чем-то действительно важным и серьёзным. Тем, чего в глубине души мне очень не хватает, но я даже не подозреваю об этом.

Моё лицо прижимается к его вспотевшему лбу, когда Олдридж находит своё освобождение во мне, что только ускоряет закручивающуюся спираль моего собственного удовольствия, разнося и распространяя его по всему телу вместе с кровью, бегущей по венам. Руки, в какой-то момент неконтролируемо сжавшие мои ягодицы, так и остаются там, сильные и очень тёплые. Я не думаю, что хочу, чтобы они перестали меня касаться. Чувство, что нужно что-то сказать, и что сделать это должна именно я, появляется почти незамедлительно. Олдридж же только продолжает учащённо дышать. В звуке, с которым происходят его вдохи и выдохи, есть что-то обречённое. Загнанное и неуверенное. Даже я понимаю, что нам придётся поговорить об этом. Обо всём

вообще-то.

– Ты в порядке?

Я начинаю отстраняться из-за мысли, что ему, возможно, неприятно ощущать мои волосы так близко от своих глаз и лица. Но Олдридж словно обрекает меня на неподвижность одним лишь взглядом и одновременно обнимает мою спину, обхватывает её обеими ладонями, скользящими по коже так, что их касание невозможно игнорировать. Я и не пытаюсь.

– Ты впервые обратилась ко мне не на «вы».

Он не кажется удивлённым, он является именно таким. Обескураженным и погрузившимся в собственные мысли. Это слышно в его голосе и очевидно даже в отсутствие электрического света.

– Я не заметила.

– Я знаю. Но для меня это много значит.

Я думаю, что, скорее всего, так оно и есть, но прямо сейчас моё собственное тело будто не принадлежит мне вообще. Его подчиняет потребность выбраться, нужда освободиться, и Олдридж убирает руки и лишает меня себя ещё до того, как мне пришлось бы что-нибудь сказать. Я едва ли знаю, что теперь с ним делать. Возможно, он уже представляет себе, как мы засыпаем вместе. Как его руки даруют мне тепло на протяжении всей ночи. Как мы становимся парой. Я же не готова ни к чему из этого. Но и выставить его в темноту не могу. Здесь, конечно, есть отель, и ему уже случалось ночевать в нём, но кем я буду, если поступлю так?

Когда, на ощупь отыскав халат и скрыв им свою наготу, крепко завязав пояс, я поворачиваюсь обратно к Дэвиду, его неуместная сейчас обнажённость также скрыта от моего взгляда частью одеяла, а в руках находятся вперемешку все наши вещи. Брюки и рубашка уже наверняка целиком мятые и неопрятные. Но я вижу почти спрятанный мраком силуэт склонённой вниз головы и понимаю, что мужские глаза смотрят исключительно на предметы гардероба и больше никуда. Так, будто они единственное, что ещё осталось существовать в этом мире. Олдридж представляется мне несчастным и разбитым. Это сжимает мне сердце и заставляет чувствовать удушье, зарождающееся прямо в лёгких.

– Я не имею ни малейшего понятия, что должна делать.

– Ты ничего не должна, – грубо возражает он, и от этой жёсткости и резкости становится только хуже. Возможно, потому, что я уже познала то, что ему вполне легко быть совсем другим, а может быть, из-за веры в то, что им могли бы быть сказаны совершенно другие слова, будь я той, какой он наверняка хочет меня видеть. Без внутренних проблем и шлейфа из прошлого. Не порабощённой сопутствующими ему мыслями и чувствами. Способной построить отношения, не оглядываясь назад. Одним словом, эмоционально доступной. Я же не удовлетворяю ни одному из этих условий.

– Но…

– Я бы хотел тебя обнять. И почти уверен, что тебе хочет-

ся того же. Для этого тебе нужно вернуться в кровать. А об остальном мы можем поговорить завтра утром.

Я чувствую поднимающееся волной желание воспротивиться, едва наступает лишённая слов пауза. Но оно иррационально и бессмысленно по причине того, что в том или ином виде всё это мы уже проходили. Когда Олдридж составил мнение относительно моей потребности быть любимой хоть кем-то и готовности вывернуться наизнанку, чтобы этого достичь, а я ничего не опровергла и в значительной степени сохранила молчание. Что толку оспаривать истину? Мне, и правда, необходима если и не любовь, то стороннее душевное тепло уж точно.

Содержащая силу и внушающая чувство защищённости правая рука едва успевает скользнуть поверх одеяла, под которым обнажён лишь Олдридж, но не я, когда моё тело уже невольно и автоматически подаётся назад. Позволяет прижать себя ближе. Прислонить к ритмично поднимающейся и опускающейся грудной клетке, движение которой ощущается даже через довольно плотную ткань халата на спине. Всё происходит в полном безмолвии и без единого слова. Я думаю, что Дэвиду это нужно дальше больше, чем мне. Засыпает он, кажется, мгновенно. Сразу же после обретения целомудренного телесного контакта. Но для меня ещё слишком рано. Даже перед дежурствами девять часов это не то время, когда я могу уснуть, чтобы полноценно отдохнуть и вернуть себе, возможно, чуть утраченное равновесие. А сей-

час и тем более.

В какой-то момент я осознаю себя поворачивающейся к нему. Старающейся двигаться бесшумно, лишь бы не потревожить. Нерешительно касающейся подтянутого живота всё по той же причине. Но всё-таки дотрагивающейся и успокаивающейся, когда это никак не отражается на Олдридже. Пожалуй, я наблюдаю за ним. Охраняю его сон. Пока в какой-то момент не теряю способность держать глаза открытыми и дальше.

Просыпаюсь я от звука телефонного разговора и не подразумевающих возражений указаний, произносимых руководящим тоном. Часы на тумбочке слева от меня показывают начало девятого. Я не уверена, что мне когда-либо доводилось спать так долго и при этом ни разу не просыпаться до самого утра. Олдридж стоит у окна уже в брюках и распахнутой рубашке и смотрит на мой двор через приоткрытые жалюзи. Тем не менее, в комнате царит приятный полумрак. Он позволяет мне не жмуриться и видеть не просто очертания человеческого тела, а чёткую картинку со всеми деталями и подробностями. Мне это нравится.

– Скажите ей, что я буду в полдень, не раньше. Пусть тогда и возвращается.

Закончив фразу, Дэвид кладёт трубку и, убирая телефон в карман, оглядывается на меня. Замечает, что я не сплю. Кажется, хочет улыбнуться, но подавляет это в себе.

– Кто должен вернуться?

Мною управляет истинное желание знать. Я удовлетворяю его настолько легко и буднично, словно мне всё это привычно. Просто спать вместе с Олдриджем в одной постели. Чувствовать его объятия до самого момента погружения в сон. Просыпаться и первым делом осознавать присутствие.

– Миссис Джонсон. Мне всё ещё надо это решить, и мне, пожалуй, пора. Иначе я не успею добраться вовремя.

Он застёгивает пуговицы и заправляет ткань в брюки. Как я и предполагала, она стала мятой и некрасивой, такой, в какой будет стыдно появиться и перед подчинёнными, и перед вышеупомянутой женщиной. Я хочу сказать, чтобы он подождал, пока я поглажу его вещи, но он не выглядит так, будто собирается приближаться, не говоря уже о чём-то большем вроде ожидания или желания поесть хоть что-то, прежде чем уехать.

– Я могу приготовить завтрак.

– Я не голоден. Всё в порядке. Тебе нет нужды беспокоиться. Лучше постарайся снова уснуть. А дверь я захлопну.

Он всё-таки подходит и садится рядом со мной, на что матрац реагирует, чуть опускаясь. Губы оказываются на моём лбу, даря мимолётный поцелуй, но Дэвид выпрямляется обратно слишком скоро. У него печальный вид. В чём-то даже скорбный и отсутствующий. Вид человека, который не уверен, что увидит меня когда-либо снова. И потому словно прощается. Излучая мольбу, но не высказывая её посредством слов. *Обдумай всё. Не спеши. Пожалуйста, позвони.*

Это просто читается в том, как он смотрит и держит мою правую руку прежде, чем отпускает её с явной неохотой и покидает комнату, даже не оглянувшись.

Когда вдалеке хлопает дверь, я уже чувствую себя травмированной. И побеждённой. Но мне хватает ума понять, что это исключительно моя вина. Должно быть, его оттолкнул мой образ или что-то конкретное в том, как я выгляжу или говорю, или ощущаю себя. Наверное, он догадывается обо всём, что внутри меня. И не может игнорировать это, несмотря на всё желание. Принуждать к чему-то, чего я сама не хочу. Но разве ему может потребоваться это делать? Я понимаю, что должна всё для себя решить. Окончательно и бесповоротно.

Час спустя я сижу на кухне с чашкой горячего чая и чистым листом бумаги, соседствующим с ручкой, хотя и знаю, что не буду составлять список, а после подсчитывать плюсы и минусы. Я понимаю, что значительно преувеличила вечный по отношению ко мне профессионализм и отсутствие хоть сколько-то особенного и личного расположения со стороны Олдриджа. Кажется, мне больше никогда не удастся обратиться к нему на «вы», используя фамилию или называя его сэром. Особенно из-за всех этих сообщений, забытых мною, в отличие от телефона, у которого таких проблем никогда не бывает. Его памяти можно только позавидовать. Или же наоборот. Всё зависит от обстоятельств.

«Где ты?»

«Я знаю, что ты не дома, так как в нём проводится обыск, и после дверь будет опечатана. Просто ответь. Пожалуйста».

«В доме, выделенном мне, больше комнат, чем необходимо. Ты можешь занять вторую спальню. Настолько, насколько будет нужно. Я всё равно не пользуюсь ею».

«Мэл, пожалуйста, напиши хоть что-то. А лучше перестань игнорировать мои звонки и возьми трубку».

«Нам надо поговорить об этом. Ты так быстро ушла… Я не должен был позволять тебе делать это».

Я читаю все эти сообщения почти семимесячной давности и не верю, что тогда воспринимала их, лишь как проявление некоторого долга, соблюдение как бы негласного кодекса чести и братства, существующего в нашей среде. Теперь они кажутся мне наполненными истинным беспокойством и даже тревогой. Переживанием личного характера, никак не связанным с работой и морально-этическими нормами, продиктованными ею. Наверное, будь всё обусловлено лишь этим, Олдридж не был бы столь многословен, но он звал меня к себе. На полном серьёзе предлагал мне крышу над головой. Очевидно до тех пор, пока не решится моя судьба. А ему наверняка пришлось бы очень долго ждать. Ведь, исходя из личных мотивов, я бы всё равно не вернулась туда, где тогда жила. Благо, как и в случае с ним, это тоже было служебным жильём. Оно стало частью расследования лишь из-за того, что Джейк переехал ко мне.

Впрочем, ничего из тех событий уже не имеет первостепенного значения. Ни то, что я ответила Олдриджу скупое и официальное «я в гостинице и собираюсь выключить телефон», а после, как только было позволено, собрала все чемоданы разом, чтобы уже точно больше никогда не иметь необходимости возвращаться в тот дом, и покинула Теллурайд на время до суда. Ни то, что та жизнь, которая могла бы у меня сейчас быть, уже никогда не возникнет в реальности. Она уже другая. В ней нет ни Гленна, ни ребёнка от него. Ребёнка, которому пришлось бы что-нибудь врать в ответ на его вопрос об отце. И жить с этой ложью до конца жизни. Влачить всё это за собой буквально до бесконечности. Успев выйти замуж, когда бы я подала на развод? На следующий же день? Или я вообще боялась бы выглянуть на улицу?

Ты так быстро ушла… Я не должен был позволять тебе делать это. Я представляю себе, как Олдридж набирает этот текст, отправляет его и, может быть, уже отчаявшись получить хоть какую-то реакцию, чувствует облегчение, когда читает всё-таки приходящий ответ. Но вскоре узнаёт про мой отъезд, и это, возможно, автоматически отбрасывает его назад. К ощущению тревоги, бессилия и неизвестности. Вот что, вероятно, испытывала бы я, думая, что человек, вызвавший во мне сильные эмоции, потерян для меня навсегда, когда у нас не было и шанса, а я только-только начала считать возможным его обрести и использовать.

От дальнейших размышлений меня отвлекает стук в

дверь. Он звучит незнакомо, так что я даже не начинаю думать, что это может быть Олдридж. Он уехал и не вернётся, если я не соглашусь попробовать. Это ясно читалось в его взгляде, в котором словно что-то потухло и угасло.

– Кирстен?

– Привет, Мэл.

– Привет.

– Прости, я без предупреждения, но мы с Беном проезжали мимо, и я попросила его остановиться.

Она оглядывается на машину, припаркованную на обочине, и я ясно вижу мужчину за рулём, который не смотрит в мою сторону лишь только потому, что обернулся назад и пытается за чем-то дотянуться. Хоть мы и не близки так, как могли бы быть, замужество коллеги вовсе не секрет для меня. Трудно не сделать однозначных выводов, когда, дежуря совместно, то и дело видишь золотое кольцо на том самом пальце. Некоторое время я тоже носила подобное. Только не торопилась со свадьбой. Жизнь показала, что правильно сделала.

– Что-то случилось?

– Нет, вовсе нет. Я просто подумала, может быть, ты хочешь провести День благодарения с нами? Это через два дня. У тебя тут никого нет, но лучше, наверное, быть с кем-то, чем совсем одной. Прости, если я лезу не в своё дело, – Кирстен осекается на полуслове, становясь внезапно пристыженной с отражением явного сожаления на лице, но я качаю го-

ловой. Она не сказала ничего дурного или обидного. Я здесь действительно сама по себе. А к родителям поеду только по случаю новогодних праздников. У меня был выбор между ноябрём и декабрём. Я предпочла провести в кругу семьи Рождество, а эти несколько свободных дней скоротать перед телевизором или с книгой в руках.

– Не хочешь зайти ненадолго? Или вы торопитесь?

– Я с удовольствием.

Она снова обращает всё своё внимание на автомобиль, наверняка желая предупредить мужа, чтобы он её не терял. Но мужчина всё ещё занят. Тогда Кирстен просто переступает через порог и прикрывает за собой дверь.

– Может быть, чего-нибудь хочешь? Чай или воду?

– Нет. Не беспокойся. Без меня эти двое всё равно долго не выдержат.

– Двое?

– Да. У нас с Беном сын. Три года. Это он на заднем сидении. Ненавидит сидеть смирно и ровно.

– Я и не знала.

Между нами возникает неловкая пауза, которую я совершенно не нахожу, чем занять и заполнить, но меня выручает Кирстен. Впрочем, это и неудивительно. Я не лучший собеседник в последнее время и уж тем более разучилась заводить друзей или хотя бы налаживать общение с новыми людьми.

– Ничего страшного. Сможешь познакомиться, если ре-

шишь прийти к нам на ужин. О, чуть не забыла. У меня для тебя небольшой подарок, – она опускает руку в сумку, свисающую с плеча, и протягивает мне почтовую карточку и маленькую коробочку. – Это серёжки, изготовленные живущей здесь мастерицей. Если не понравятся, можем обменять. Ну а на открытке немногочисленные интересные места. Мэрия, библиотека, галерея, кафе, пекарня, церковь, музеи и отель.

Я и сама узнаю последнее здание, что упоминает Кирстен. Историческое, являющееся памятником архитектуры и стоящее там, где центральная улица совершает поворот на второстепенную, и наоборот. Глядя на изображение, мне начинает казаться, что, обречённая помнить, я только убью себя, если постараюсь переступить через всё, что было, и отвергнуть это.

– Спасибо большое, но мне нечем тебе ответить.

– Я не ради этого приехала, Мэл. Просто захотелось, чтобы ты поняла, что можешь на меня рассчитывать. Если тебе нужна будет помощь, или захочется выговориться, например. И подумай по поводу моего предложения. Номер телефона у тебя есть.

– Да, спасибо. Я обязательно дам тебе знать, что решила, – я открываю дверь Кирстен. Ступая на крыльцо, она уже даже делает первый шаг в сторону дороги, когда слышит мой, наверное, нелепый вопрос. – Как ты поняла, что, скорее всего, если и не любишь Бена, то, по крайней мере, способна почувствовать это к нему и хочешь быть с ним?

– Теперь это кажется странным, но первое время он мне совсем не нравился, – если девушка и хочет проявить любопытство относительно природы моего вопроса, то ничем себя не выдаёт и просто отвечает мне будто давно заготовленной речью. – Впрочем, это не останавливало его от того, чтобы постоянно звонить и писать. А потом он уехал. На месяц или даже два. Я уже точно не помню. На работу. Но то время будто длилось вечно. Складывалось ощущение, что эти недели никогда не закончатся. Бену стало резко не до разговоров. Я поняла, как сильно мне его не хватает. И осознала, что, когда человек постоянно рядом, мы можем и не чувствовать того, что любим его. Но стоит ему оказаться далеко, как в голове многое тут же встаёт на свои места. Я бы сказала, что надо попробовать прожить без него хотя бы пару недель. Совсем без общения и контактов.

– А если мои две недели уже прошли, и повторять их больше нет никакого желания?

– Ну тогда ты, возможно, как минимум влюблена. Я вот была. И всё ещё остаюсь.

Глава 8. Барашек

Ну тогда ты, возможно, как минимум влюблена. Какой-то части меня, услышав это, хотелось взять и откровенно покрутить пальцем у виска. Я? И влюблена? Эти два слова кажутся мне слишком несовместимыми, чтобы объединять их в одно предложение, как это сделала Кирстен прежде, чем мы окончательно попрощались, и она уехала. Я точно не могу быть влюблённой. Не так скоро после Гленна и уж точно не в того человека, который, образно говоря, ещё вчера был моим начальником. Ну теперь-то он не только сверху и над тобой. Он наверняка может уступить эту роль и тебе столько раз, сколько пожелаешь, и с не меньшим удовольствием, вмешивается в моё сознание непрошеная мысль, в чём-то даже отвратительная. Я почти ударяю себя за неё. Как вообще другие люди понимают, влюбились ли они в кого-то по-настоящему или нет? Особенно если им, как мне, фактически не с чем сравнивать? У меня нет ответа. Прежде, чем я осознаю, как именно это происходит и какой глупостью является, мои пальцы уже формулируют поисковый запрос, со стороны наверняка звучащий нелепо и наивно, и нажимают на первую же ссылку, с которой берёт своё начало список результатов. Перед моим взглядом оказывается перечень, содержащий в себе свыше десяти признаков.

Ты всё время думаешь об этом человеке. Мысленно пред-

ставляешь ваше свидание, то, как вы выглядите и о чём говорите, или просто мечтаешь о чём-нибудь романтическом. Ты хочешь физической близости с ним. Чувствуешь желание быть в курсе всего, что происходит в его жизни. Ощущаешь, как твоё дыхание учащается, и сердце начинает биться быстрее из-за встречи лицом к лицу или голоса в телефонной трубке. Испытываешь дрожь в конечностях. С нетерпением ждёшь сообщений от него и готова сама заваливать его письмами. Тебя переполняют эмоции, и в голове крутится куча разных мыслей об этом мужчине. Ты очень восприимчива к его словам, особенно если они выражают критику или неодобрение. Ты стала намного внимательнее относиться к своей внешности и хочешь выглядеть привлекательнее, чем раньше, что-то в себе изменить. Чувствуешь прилив энергии. Стремишься постоянно говорить о нём, общаясь с окружающими тебя людьми. Тебе хочется приготовить для него что-нибудь вкусное или просто сделать приятное. Ты стала склонна к совершению импульсивных действий, таких, как, например, отправка «смелых» сообщений. Готова посвящать всю себя возлюбленному, легко жертвуя личным временем, отношениями с подругами и увлечениями, чтобы уделять ему максимум своего внимания.

Ниже следуют несколько пунктов об уже совсем серьёзных вещах вроде замужества и разговоров о семье, браке, вечной любви и верности. Так далеко я точно не заглядываю,

поэтому сознательно упускаю часть перечня из виду, но все ранее прочитанные признаки во многом точно про меня. Конечно, я не собираюсь откровенно меняться в угоду другому человеку, мой возраст уже совсем не тот, в котором некоторые девушки, влюбившиеся в первый раз, готовы на всё, лишь бы удержать объект привязанности подле себя. Также я не считаю, что, растворившись в отношениях, стала бы болтать о нём на каждом шагу, даже будь у меня близкие подруги или коллеги, составлять планы насчёт совместного времяпрепровождения и не давать ему спокойно вздохнуть путём переписки или бесконечных звонков, но я действительно много думаю. И многое испытываю. И жду тоже не меньше.

Я понимаю, что, не будь я хоть сколько-то влюблена, меня бы скорее воротило от него, чем влекло. Но во мне действительно сильно эмоциональное притяжение. Желание физической близости. Отрицание равносильно напрасной трате времени и сил. Я не чувствовала такого с Гленном. Мы спали вместе от случая к случаю, что и заставило меня подозревать беременность. Но с ним это не сопровождалось тем, что я ощущаю сейчас, даже просто думая о Олдридже. Если только в самом начале отношений. А позже стали всплывать какие-то черты характера или привычки, что не вызывали во мне ничего, кроме скапливающегося внутри раздражения. Вся симпатия, что была, испарилась, будто её никогда и вовсе не существовало. Теперь, оглядываясь назад, я ясно вижу, что она даже близко не напоминала мои нынешние

чувства. Но, невзирая на это, всё может повториться. Пройдёт какое-то время, и я снова могу увидеть все недостатки и слабости, но ещё я могу и принять их наравне с сильными сторонами и достоинствами. Захотеть сделать другого человека счастливым, заботиться о нём, уважать и понимать. В чём-то я уже, кажется, испытываю это. Иначе не думала бы о желании погладить вещи и приготовить завтрак. Ведь так?

Я звоню ему после обеда. Когда решаю, что прошло уже достаточно времени для того, что миссис Джонсон точно ушла. Просто набираю номер телефона по памяти, минуя список контактов. Но длинные гудки так и не превращаются в ответ. Как только меня автоматически отключают, я уже обращаюсь к занесённым данным и связываюсь с участком, чтобы хотя бы узнать, там ли Дэвид, и занят ли он или же просто куда-то отлучился.

– Полиция Теллурайда. Миссис Коуп у телефона. Я вас слушаю.

– Здравствуйте, миссис Коуп.

– О, Мэл, я так рада тебя слышать. Как твои дела, девочка?

Женщина, принимавшая звонки столько, сколько я себя помню, узнаёт меня буквально мгновенно. Мне вроде как приятно, что я не забыта, однако я не настроена вести разговор о себе. И вообще целиком и полностью преследую совершенно иные цели.

– Всё нормально, спасибо, что спросили. Но я по делу. Вы не подскажите, Дэвид Олдридж у себя?

– Да, Мэл, он в своём кабинете. Тебя соединить? Хотя подожди. Он идёт сюда.

– Он не занят?

– Нет. Передать ему трубку?

– Да. Только не говорите, что это я.

Я вдруг осознаю, что у него появились причины игнорировать меня. Так ясно, будто взяла и прочла его мысли. Или кто-то сделал это за меня, но передал мне всё, что увидел в них. Если это правда, а не преувеличение, то, узнав, он может попытаться придумать что угодно, чтобы уйти от разговора, почему-то резко ставшего нежелательным. В некотором роде снова сбежать. Только теперь я со всей очевидностью различаю, что именно это и случилось утром. Это был побег. Но от кого? От меня? Или от моего возможного отказа?

– Я не понимаю, но сделаю так, как ты говоришь. Сейчас, секунду.

– Миссис Коуп, мне нужны копии этих документов. Всё в одном экземпляре.

Я слышу голос Дэвида, такой же волевой и решительный, как и несколько часов тому назад, и невольно задумываюсь, вдруг женщина поспешит исполнять его поручение и просто опустит трубку на рычаг, ничего обо мне не сказав. Но вслед за этим в странном облегчении различаю её слова.

– Да, сэр, я поняла. Прямо сейчас и займусь. Но с вами хотят поговорить.

– Кто?

– Не знаю. Не представились.

– Ничего. Я разберусь. Вы можете идти, – до меня доносятся звуки колёсиков, с которыми кресло отъезжает от стола, а вслед за серией шорохов и удаляющиеся шаги.. Наконец в трубке возникает знакомое мне дыхание. – Это Дэвид Олдридж. Кто вы, и чем я могу вам помочь?

– Ты передумал?

Я не хотела начинать всё так. Но ожидание явно не сказалось на мне положительно, и эти слова просто оказываются на воле. Нетерпеливые и взволнованные. Подстёгнутые напряжённостью. Возможно, уже являющиеся разновидностью импульсивного поступка.

– Мэл.

– Я не маленькая девочка. И не та женщина, что будет обрывать телефон в глупой надежде на то, что всё не так поняла. Ты можешь сказать мне всё, как есть. Меня это не убьёт.

После всего, что со мной было, я думаю, что выдержу всё, что угодно. Всё за исключением сознательной и продуманной лжи и неискренности. Вот этого с меня как раз достаточно. Так что, что бы я не услышала, за честность я в любом случае буду благодарна.

– Не сейчас, Мэл. Не по этому аппарату.

– Почему?

– Потому что все эти звонки записываются.

Я автоматически проглатываю всё, что вроде как собира-

лась сказать, несмотря на отсутствие должной уверенности и согласия в сердце, душе и голове. Внутри меня мгновенно назревает чуть ли не стыд. А может, это и он есть. Потому что я не понимаю, как могла забыть о столь очевидных вещах, о которых не понаслышке знает абсолютно любой полицейский. Это же дежурный телефон. Рабочий. Не личный сотовый, оставшийся проигнорированным в том, что касается моего входящего вызова. Теперь я чувствую себя вдвойне глупо и нелепо. Я наговорила уже достаточно всего. Кто знает, что ещё мне бы случилось произнести в неконтролируемом эмоциональном порыве, если бы Олдридж не прервал этот поток, помешав мне продолжить.

– Я не подумала.

– Всё нормально. Ничего не произошло.

Но это исключительно благодаря ему. Тому, что он не стал намекать, а просто взял и сказал всё прямо. Что-то менее чёткое и уловимое я бы, возможно, и вовсе не поняла.

– Сэр, мистер Олдридж, я закончила с ксерокопией.

Миссис Коуп возвращается, кажется, слишком скоро. До меня доносится тихий, но очевидный вдох Дэвида, когда, судя по звуку, он поворачивается к ней и забирает размноженные бумаги.

– Отлично.

– Мне оставить вас ещё ненадолго?

– Нет, в этом нет необходимости. Это ваше рабочее место, – он говорит это совершенно точно не мне, но вскоре

уже произносит моё имя. Я вновь сосредотачиваюсь на его голосе, хотя и не успела потерять концентрацию. – Мэл… Мисс Кинг, я сейчас немного занят, но перезвоню вам чуть позже. Если вы, конечно, не против.

– Нет.

Я понимаю, что с ним такое, и почему он вдруг перешёл на официальный тон и соответствующее обращение. Всё наверняка из-за миссис Коуп. Но, отвечая ему, я всё равно испытываю странный, дикий и болезненный для меня дискомфорт. Мне резко становится не по себе. Почти до рези в животе. Олдриджу будто не хочется, чтобы о нас узнали. Я понимаю, что это ерунда. В том смысле, что и я не из тех людей, кто однажды станет распространяться о своей личной жизни направо и налево, выносить это напоказ и светить ею перед посторонними людьми, которых она совершенно не касается. Но, наверное, мне хотелось нежности. Даже в такой противоречивый и непонятный момент. И то, что я не чувствую её ни в малейшей степени, почему-то делает меня уязвимой и фактически несчастной.

– Я обязательно перезвоню.

– Хорошо, спасибо.

Мне не остаётся ничего другого, кроме как попрощаться с ним и начать пребывать в ожидании обещанного звонка, будто он действительно гарантирован. Но проходит час, а за ним и ещё несколько отрезков по шестьдесят минут каждый, и я понимаю, что устала. Что это сильнее моего собственного

представления о себе и не является тем, что я могу перенести адекватно. Невзирая на все свои слова, согласно которым меня уже ничто не сломает и не ранит. Время кажется прошедшим впустую. Хоть я и не собиралась извлекать из него особенную пользу и заниматься чем-то реально стоящим.

Если твоё предложение по поводу Дня благодарения всё ещё в силе, я с радостью приеду к вам в гости.

Имя Кирстен появляется на экране моего телефона вскоре после этого. Буквально через считанное количество минут. Я отвечаю ей в ту же секунду.

– Да?

– Привет. Это я.

– Привет. Да, я поняла.

– Здорово, что ты решилась, Мэл, – я бы это так не назвала, но не рассказывать же мне ей всё. То, как моё согласие вызвано скорее безысходностью на грани отчаяния и нежеланием быть реально одной в такой вечер, чем радостью от возможности провести время именно с этой семьёй. У меня на уме были и остаются другие вещи. Только из них уже ничего не выйдет. Но я попытаюсь отвлечься и взять от грядущего визита всё только лучшее и позитивное. – Приходи часиков в семь, хорошо?

– Хорошо. Что-нибудь с собой принести?

– О, не беспокойся об этом. Всё в порядке. Просто… Бен, почему барашек опять вне загона? Мы же договаривались, что обустраиваем ему место не для того, чтобы он гулял бук-

вально повсюду. Заведи его обратно. Сколько раз можно повторять одно и то же? Извини, Мэл. Здесь какой-то хаос. Бен захотел, чтобы сын рос вместе с барашком, и вот пожалуйста, это животное волнует меня больше, чем кого бы то ни было ещё. Иногда я готова его убить. Не барашка. Мужа. Но это я любя.

– Я всё слышал.

– Я серьёзно, Бен. Иди и разберись с этим, а мне надо договорить.

Слыша этот шутливый спор, я вдруг остро понимаю, что завидую. У меня тоже могли бы быть такие отношения. Будь рядом со мной правильный человек. Я же вроде ничем не хуже и своими собственными руками не делала ничего дурного, чтобы заслужить его отсутствие. Но его нет, и поэтому мне приходится цепляться за предложение, сделанное наверняка в большей степени из жалости. За давно сформировавшуюся семью со своими традициями, привычками, укладом и ценностями, лишь бы не проводить праздничный вечер с повсеместным ощущением тоски и пустоты. И за то, чтобы временно отодвинуть грусть на задний план за счёт фактически посторонних людей. В некотором смысле я чувствую себя ужасно. Но отматывать назад уже поздно. Очевидно, что со стороны это будет выглядеть ещё более отвратительно, унизительно и кошмарно.

Остаток дня тянется, словно год. В ночи, застилая диван и снова располагаясь на нём, я всё ещё чувствую эти ощуще-

ния и будто возвращающееся одиночество. И, как следствие, не могу уснуть. Теперь он кажется маленьким, тесным и коротким. Но и сменить свою дислокацию я также морально не готова. Не без Дэвида. Но он не сдержал своё слово, так что я, как могу, пытаюсь не допускать мыслей о нём. Ни одной, ни нескольких. Не думала, что можно стать такой опустошенной и разбитой так скоро после человека, которого ты вообще едва знаешь с личной стороны. Ладно Гленн, тут всё понятно, но Олдридж…

Когда телефон издаёт сигнал пришедшего сообщения, вся комната уже погружена в темноту. Светящийся дисплей является тем единственным, что разбавляет мрак около пола, где я и оставила лежать средство связи прежде, чем отвернулась к спинке дивана. Едва глаза привыкают и различают не только часы по центру экрана, показывающие ровно одиннадцать часов вечера, но и краткое послание там же, я уговариваю себя особо не реагировать. И не думать сверх минимально необходимого уровня.

Ты спишь?

Нет.

Тогда я кое-что хочу.

Я хочу ответить, что тоже хотела много всего, но он словно подвёл меня своим молчанием и игнорированием, длившимся вплоть до этого мгновения, а теперь закончившимся так, будто для него не происходит ничего такого. Но дрожащими пальцами пишу совсем не это. Следующие минуты две

длятся, кажется, целую вечность.

Что именно?

Чтобы ты открыла входную дверь и впустила меня.

От осознания, что он буквально в нескольких шагах, всё моё тело немедленно покрывается мурашками. Я резко сажусь и уже даже почти тянусь за халатом, чтобы спустить ноги вниз, обуть тапочки и встать, когда понимаю, что не должна так поступать. Относиться к себе столь безответственно и безразлично. Мне хочется уважения. Я прождала большую часть дня, и будет справедливо, если он тоже пройдёт через что-то подобное. Хотя я и сама не верю, что действительно считаю так. В результате следующее же сообщение немедленно подвергает мою силу воли внушительному испытанию.

Я испугался, что ты откажешь. Что если перезвоню, то услышу именно это и уже не смогу отменить этот момент.

От того, как это звучит, мне становится почти смешно. Он серьёзно надеялся, что сможет избегать меня и этого разговора вечно? Желая отказать друг другу в чём-либо, люди не ставят перед собой самоцель сделать это именно посредством телефонного звонка. Для таких случаев вполне сгодится и краткое сообщение. Или вообще молчание. Оно, оказывается, тоже может быть говорящим. Я бы могла не только удалить все эти предложения, не глядя, но и ещё днём написать ему, что не хочу ничего серьёзного и обременительного. И вот как раз-таки на мои действия он бы точно не смог

никак повлиять. Это не то, что зависит от него. Всего одна секунда, и дело сделано.

Он по-прежнему снаружи, когда я всё же открываю дверь. Стоящий на моём крыльце в свете лампочки, что всегда остаётся включённой на всю ночь, и гипнотизирующий телефон посредством взгляда, будто это способно заставить меня написать хоть что-то, невзирая на отсутствие слов в голове. Но стоит Олдриджу осознать моё присутствие, как он прячет сотовый в правый карман пальто и протягивает мне довольно объёмный бумажный пакет, всё это время находившийся в той же руке. Он явно нелёгкий и, возможно, даже слегка тяжёлый, только я не собираюсь ничего брать. И вообще мне эгоистично нравится держать мужчину по ту сторону порога. Невзирая на холодный воздух, неприятным образом струящийся по телу.

– Я понимаю, ты, наверное, расстроена или злишься, или и то, и то одновременно, и мне жаль, если я сделал это с тобой, но у меня тут готовая индейка. Возьми хотя бы её.

Ему хватает рассудка не приближаться, но в моих мыслях это всё равно ничего значительно не меняет. А вот странное удовольствие видеть, как Олдридж чуть ли не прячет свои глаза, словно не выполнивший домашнее задание школьник, уже тут как тут.

– Она мне не нужна. Не то чтобы я должна отчитываться, но я буду у друзей.

– Мэл.

– Ты мог бы просто спросить, – не сдержавшись, говорю я. Он фактически решил всё за меня. Когда сделал свои собственные выводы о том, что я собираюсь или не собираюсь сказать, основанные непонятно на чём. Олдридж и страх кажутся мне несовместимыми вещами, и я без понятия, как всё это может быть.

– Спросить разрешение или что-либо ещё означает получить отказ. Для меня одно подразумевает другое. Иногда лучше не спрашивать и не задавать вопросов. Порой это невольно приводит человека к политике избегания. Так вероятность услышать что-то нежелательное гораздо меньше.

Он говорит это так, будто уже спрашивал, старался вести себя правильно и проявлять терпение, а в итоге лишь получал совсем не то, к чему стремился, чего хотел и желал, или, по крайней мере, видел, как другие сталкиваются со всем этим по его вине. Напрямую или же косвенно. Из-за его решений, слов и поступков, потому что ему случалось отвечать или действовать в разрез с мечтами, надеждами и чаяниями окружающих, перечёркивая их раз и навсегда.

Но за твёрдостью голоса, словно говорящего мне, что урок усвоен, и ошибок больше не будет, скрывается самая настоящая и подлинная уязвимость. Я улавливаю соответствующую тональность в речи и вижу всё по глазам, частично скрытым в тени из-за угла, под которым на лицо падает льющийся сверху свет. Тем не менее, для меня это во многом дикие слова. Если они хоть сколько-то правдивы и достовер-

ны в том, что касается того, как Олдридж относится к жизни и воспринимает её течение, то я не уверена в нас с ним. Вдруг он так и будет делать что-то без оглядки на моё мнение? Станет диктовать мне собственную волю? И в конце концов подчинит меня себе, как самостоятельную и цельную личность, в результате чего я перестану ею быть?

– Я так не могу.

– А, по-моему, тебе нравилось.

– Что?

– Тебе нравилось, – с нажимом и словно вызовом повторяет он, смотря так, будто может и собирается раздеть лишь посредством взгляда. Оставляя пакет с едой на перилах справа от себя, Дэвид вдруг делает тот единственный шаг, что служил между нами незримой чертой, а теперь и вовсе заставил её исчезнуть. Холод становится только ощутимее и злее, как только Олдридж оказывается в непосредственной близости от меня, высокий, доминирующий, уверенный в себе и пахнущий лёгким морозом. Но, прижатая силой и желанием к наружной стороне по-прежнему открытой двери, я едва чувствую лёд одежды, тела под ней и ладони, опускающейся мне на шею, пока большой палец обводит нижнюю губу. Я нахожусь словно в прострации и ловушке, из которой даже не уверена, что хочу искать выход. Моё сознание будто под гипнозом, и следующие слова лишь усиливают ощущение истинной потребности, что сидит глубоко внутри меня. – Не трать время на напрасную ложь, Мэл. Я уверен, что ни-

чего не изменилось. Мне достаточно лишь коснуться тебя, чтобы проверить.

Глава 9. Выстрел

Я тесно прижата к его телу одной рукой, пока другая захлопывает дверь. В ночной тишине этот звук слишком громкий, всеобъемлющий и внушающий опасность, словно выстрел. Но мне кажется, что, даже столкнувшись с ним в реальности, Дэвид не стал бы прятаться. Он скорее попытается спасти окружающих людей и закрыть их собой от пуль, чем сбежит. А ещё он абсолютно прав. Во всём, что только что сказал. Мне действительно нравилось. И даже больше, чем он может себе представить. Я наслаждалась без преувеличения каждой секундой. И в постели, и вне её. Мне на самом деле было очень хорошо. Как ни с кем и никогда до него. И в минуты некоторой душевной близости тоже. Когда я чувствовала себя равной ему, но при этом во все прочие моменты могла удовлетворить своё желание быть просто женщиной и, без всяких сомнений отдавая весь контроль, испытывала лишь эйфорию от собственного подчинения.

То же самое происходит и сейчас. Мои руки одерживают верх в противостоянии с будто заторможенным рассудком. Уже настроившись на давно знакомую волну, они сжимают ткань мужского пальто и стремительно стягивают его вниз, удаляя мешающую деталь гардероба прочь. Бывший на мне халат постигает та же участь, и он составляет компанию верхней одежде на полу под нашими ногами. Я остаюсь лишь

в комплекте для сна из шортиков и туники и почти ненавижу то, что, идя к двери, включила свет в коридоре. Почти, но не совсем.

Дэвид смотрит на меня так, будто видит насквозь и знает обо мне абсолютно всё. Даже то, что я не смогу рассказать сама о себе из-за банального неведения. Это взгляд человека, желающего касаться. Словно сгорающего живьём в ожидании этого момента. И остро нуждающегося в том, чтобы просто быть рядом. Возможно, на любых условиях. Только лишь ради шанса держаться поблизости и, может быть, однажды стать самым родным и близким на свете. Он моргает, и эти эмоции несколько теряются в его зрачках, проваливаясь куда-то глубоко, хотя и не полностью, не до полного исчезновения. Я продолжаю чувствовать их. Пропитываться ими. Дышать этими ощущениями. Вдыхать его самого каждый раз, когда, поднимаясь при совершении вдоха, моя грудь касается его рубашки. Да и между пополнениями лёгких кислородом тоже. Этот запах словно наркотик. Ты подсаживаешься быстро и неудержимо, а потом понимаешь, что бросить и слезть будет трудно. В моём случае даже невозможно. Наверное, поэтому моя левая рука как сжала плечо, скрытое слоем идеально сидящего материала, так и сохраняет этот телесный контакт. И та же самая причина, вероятно, объясняет то, почему я не чувствую ни единой доли румянца, который должен был коснуться моего лица и изменить его цвет. Я вся на виду и понятия не имею, что Олдридж до-

подлинно думает обо мне прямо сейчас, но это словно теряет всякое значение. Лишается прежде устойчивого места в моей голове. Вытесняется разумом за её пределы. Если и не навсегда, то, по крайней мере, надолго.

Тем временем меня настигает прикосновение к бедру. Раскованное и смелое, оно сопровождается лаской и сгибает мою ногу в колене, что я уже не смею отменить и ощущаю, как Дэвид становится будто продолжением меня. И, наплевав на одежду, касается живота скользящим движением, уже одним этим заставляя дрожать и желать большего, а потом и вовсе пересекает невидимую линию настойчивой, но нежной ладонью. Даже будь у меня возможность помешать, оставь он мне хоть какую-то лазейку, я бы ничего не смогла поделать. Руки, обе смявшие низ рубашки на широкой спине несколькими мгновениями ранее, словно одеревенели и стали безжизненными. Правая нога, что теперь единственная удерживает весь мой рост и вес в вертикальном положении, уже хочет лишь отказаться от этой миссии. Чтобы Олдридж перестал меня мучить и изводить, а просто прижал к стене всем телом и сделал то, что, как ему точно отныне известно, нужно в одинаковой степени нам обоим. Но он медлит, будто жаждет слышать мольбу. Я вся теряюсь под его незнакомым прежде взглядом, в котором есть что-то новое и торжествующее, когда Дэвид прислоняется своим лбом к моему и выдыхает мне прямо в губы возбуждающим и обжигающим шёпотом:

– Ты точно такая, как я и ожидал.

Разрываясь между стыдом, нетерпением и потребностью, я вздрагиваю, ставшая особенно чувствительной, когда убедившаяся во всём рука возвращается мне на живот, и прикрываю глаза. Быть под прицелом пристального внимания и дальше просто невыносимо. Я будто кукла, с которой можно делать всё, что угодно, а она никогда не возразит. Но с той лишь разницей, что я и сама не против ею быть. Марионеткой. Игрушкой. Словно пластилином. Влюблённой в этого мужчину. Это начинает казаться сокровенной мечтой.

– Я не…

Я и понятия не имею, что собиралась сказать. Но забываю всё, чем бы оно не являлось, едва Дэвид трепетно перемещает свою ладонь выше. Его пальцы жёстко, но одновременно и мягко сжимают мою грудь, вызывая приятное томление внизу живота. Я клянусь, что чувствую собственную влажность. В несколько грубом прикосновении, сконцентрированном вокруг соска.

– Ты моя, – твёрдо говорит Олдридж, не обращая внимания на слоги, что я успела произнести.

Эти слова мгновенно поднимают мои веки обратно. Заставляют осознать, как он стягивает бельё вниз по моим ногам. Освобождает самого себя и наконец делает то, о чём я грезила на протяжении многих минут, ощущающихся сродни бесконечности. Неистово целуя подбородок и губы, вжимает меня в прохладную твёрдость за моей спиной и в то же

время удерживает подле тепла своей груди и всего, что ниже её. Я хочу увидеть, как совершенное лицо искажается страстью. Почувствовать жар кожи чётче и ярче. Слишком много одежды, сохраняющейся поверх желанного тела, только мешает. Тем, что ограничивает больший физический контакт и удерживает меня на расстоянии. Пальцы суетливо пробираются под ткань рубашки, касаясь спины, покрывающейся бисеринками пота, и уже от одного этого мы, кажется, становимся ещё ближе. И всё приобретает оттенок безумия. Но оно прекрасно. И правильно. По ощущениям это самая верная вещь на свете. Всё то, что происходит здесь и сейчас, и не только. Я действительно чувствую себя принадлежащей ему. И когда это происходит в реальности, его имя впервые произносится мною вслух.

– Дэвид.

То ли стон, то ли всхлип, оно срывается с моих губ просто само по себе, словно именно так и должно всё быть. Мощные и сильные руки, сжимающие мне бёдра, чтобы удерживать и контролировать. Мои ногти, возможно, оставляющие царапины на коже. Тяжёлое, неровное и рваное дыхание у моих приоткрытых губ и носа. Лицо, которое я по-прежнему вижу в мельчайших деталях вплоть до потемневших радужек глаз. Медленные и неторопливые движения, почти останавливающиеся прежде, чем приобрести хаос и необузданность. В какой-то миг особенно глубокого и несдержанного проникновения мне становится даже немного больно. Н я лишь смот-

рю на Олдриджа, пока он также не сводит с меня своего серьёзного и эмоционального взгляда, и прижимаюсь только теснее, сильнее и плотнее.

– Ты будешь скучать, я знаю, – хриплый голос не только творит с моим телом то, что я даже не могу объяснить, но и говорит очевидные вещи, пытаясь отрицать которые, я лишь выставлю себя глупой и наивной женщиной. – Не пройдёт и дня, как станешь просить меня вернуться. И мы оба понимаем, что ты уже была на грани. Так же, как и я. Скажи мне это. Скажи, что я не заблуждающийся идиот.

– Ты не идиот, – тут же повинуясь, шепчу я, лишённая и сил, и намерения противостоять требованию, тесно смешанному с неким отчаянием.

Но мною движет совсем не ощущение принуждения. Есть только абсолютное согласие и желание сказать что угодно, что изгонит выражение странной тоски из каждой чёрточки красивого лица. Лица, становящегося ещё более привлекательным, когда мои слова будто подталкивают наслаждение, ускоряют его вихрь, и тот в итоге возносит нас на вершину. Дэвид целует меня, как только всё заканчивается. Или же, наоборот, только начинается.

Я привожу себя в порядок, и он тоже. Застёгивает брюки и поднимает пальто, выглядя при этом так, будто не знает, куда ему теперь деваться. Мои руки прижимают к себе халат подобно щиту. Только мне не от кого защищаться. Всё это глупо и лишено всякой логики.

– Можешь повесить его в шкаф. А ботинки оставить на коврике. Или убрать вместе с одеждой. Мне без разницы.

– Ты хочешь, чтобы я…?

– Да.

Для того, кто читает меня, словно раскрытую на нужной странице книгу, Олдридж выглядит слишком непривычно, зажато и скованно. Не зная, когда и с чего это успело вдруг в нём возникнуть, но испытывая мощнейшее отторжение к таким его эмоциям, я фактически тороплюсь, когда произношу это короткое слово. Слово, которого должно быть достаточно. Я думала о нём именно так. И не ожидала увидеть только ещё больше возросшую неуверенность. И уж тем более услышать новый вопрос. От того, кто вроде как старается их избегать.

– Ты, и правда, имеешь это в виду?

– Да.

Я, и правда, хочу, чтобы он остался. Насколько сможет. Или насколько захочет. Прямо сейчас мне ничего не нужно больше, чем это. Вряд ли ему удастся задержаться сильно надолго, но даже один день будет стоить того. Потому что внутри меня не просто прихоть избалованного подростка, которой может быть достаточно однократного удовлетворения, чтобы потерять интерес и возжелать чего-то другого. Ближе к реальности то, что с недавних пор мне крайне трудно отделить себя от Олдриджа. Представить свою жизнь без его в ней присутствия. Я и не хочу этого делать. Не хочу, чтобы он

занимал место исключительно в моих мыслях. Это всё ничтожно. А мне нужно нечто большее. Его физическая близость, как человека. Возможность видеть его, а не довольствоваться лишь голосом в телефонной трубке, пытаясь убедить себя, что с этим можно жить. И, конечно, прикосновения. И едва уловимые, и очевидные, которые ни с чем не спутать. Контакт кожа к коже, когда ты перестаёшь понимать, где заканчиваешься сама, и начинается уже мужчина. Мужчина, считающий тебя своей, но способный стать твоим. Однажды и, возможно, навсегда.

– Мэл.

– Если хочешь воспользоваться ванной, я принесу полотенце.

– Я только умоюсь.

– Хорошо.

Он лишь кивает мне, не возвращаясь к тому, на чём я скоропалительно его прервала. Отлучившись в комнату, я достаю из шкафа чуть ли не первое, что попадается под руку. Когда я снова оказываюсь в коридоре около двери в ванную комнату, Олдридж предстаёт передо мной уже разувшимся и с закатанными рукавами рубашки. Зрелище напоминает мне о том, какие у него мускулистые руки, и, кажется, заставляет меня хотеть его снова. И с удвоенной силой. Принимая сложенную мягкую ткань из моей ладони, он остаётся на расстоянии и не делает ничего, чтобы дотронуться даже чисто случайно. Но я уже опять словно не в себе и мысленно почти

презираю это. И понимаю, что боюсь, что он может посчитать меня падшей женщиной. Или же это просто страх перед возможной новой болью. Подсознательное желание оградить себя и уберечь. Но вопреки ему всё во мне противится первым за несколько минут словам Дэвида.

– Если тебе всё-таки трудно, когда рядом с тобой кто-то есть, то я лягу…

– Нет.

Я не даю ему закончить, наперёд понимая, что он, вероятнее всего, собирался предложить. Его глаза фактически говорят это за него. *Я лягу на диване. Это ничего, если в глубине души ты даже сейчас предпочитаешь быть одна. После всего. Не после нас. Но после него. Я понимаю и готов ждать. Столько, сколько будет необходимо.*

– Нет?

– Нет. Я… – просто скажи ему, что думаешь. Что прямо сейчас составляет твои мысли. Он поймёт. Не посчитает это надуманным и странным. Или поводом для насмешки. Ему всё известно. То, что с тобой было и, может быть, даже продолжается. Выдохни и произнеси. Сразу станет легче. И со своей сущностью, и с ним. А если вдруг освобождения не случится, не страшно. Хуже всё равно не будет. – Я не спала в кровати до тебя. Ни разу за всё время, что здесь нахожусь, – и, похоже, не хочу начинать. Но не говорю этого вслух. Меня и так уже трясёт изнутри. Незаметно для него, но болезненно ясно для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.